

Д
РУССКИЙ
ДЕТЕКТИВ

И В А Н
К О З Л О В

**МОЙ БРАТ,
МОЙ ВРАГ**

Русский детектив

Иван Козлов

Мой брат, мой враг

«Центрполиграф»

2019

УДК 82-312.4
ББК 84(2Рос-Рус)6

Козлов И. Т.

Мой брат, мой враг / И. Т. Козлов — «Центрполиграф»,
2019 — (Русский детектив)

ISBN 978-5-227-08655-6

Юность Сергея Калганова по прозвищу Бильбао пришлась на самый конец эпохи, пронизанной цинизмом, жестокостью, но и полной новыми возможностями. В маленьком южном городке Сергею доступны водка и женщины, и он – безусловный лидер ватаги таких же неприкаянных юнцов. Сергея хотят привлечь к себе и предприниматели, и силовики, и откровенные бандиты. После первой серьезной переделки, из которой он вышел победителем, Бильбао покидает родной город, и его багаж составили лишь собственный кодекс чести и данное дяде обещание стрелять всегда вторым...

УДК 82-312.4
ББК 84(2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-227-08655-6

© Козлов И. Т., 2019
© Центрполиграф, 2019

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	21
Глава 3	30
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Иван Трофимович Козлов

Мой брат, мой враг

© Козлов И.Т., 2019

© Художественное оформление серии «Центрполиграф», 2019

© «Центрполиграф», 2019

Часть первая

Детские игры. 1988 год

Глава 1

Верка вошла в дом и первым делом оглядела стол:

– И это все? Трудно будет жить нашему народу.

Посреди помидоров, огурцов, вяленой рыбы и горки ломтиков хлеба стояли две непочатые бутылки мутноватого самогона.

– Девки, – прикрикнула она. – Кончай курить! Господи, как в свинарник зашла! Где тарелки, где масло, где соль? Рюмки помыть надо, лук нарезать... А ты, Коленька, по такому поводу мог бы и разориться, блин. О коньяке не говорю, но хотя бы шампанское выставил.

Коленька, полулежа в старом кресле, поправил очки и опять скрестил руки на груди:

– Коньяк мы вчера выпили. А шампанского, прости, я не мог достать даже в Ростове.

– Вчера тоже надо было выпить. – Верка по-хозяйски подошла к старому резному буфету, открыла створки. – Вчера отмечали твой приезд, чем не повод? Девки, блин, я два раза мало когда и кого прошу, запомните. Могу ведь и врезать в качестве знакомства... Коленька, где вы таких откопали?

Две девочки, обе в мини, с полненькими, но стройными, загорелыми до красноты ножками, одновременно затушили сигареты и с опаской взглянули на Верку. Коленька ухмыльнулся, потом сладко потянулся и, закрыв глаза, пояснил:

– Ты не пугай их. Я и Сиротка вчера на пляже с ними познакомились, когда вы с Бильбао слиняли в неизвестном направлении. Эта вот, у которой груди большие, – Настя, которая потоньше – Вика.

– Наоборот, – сказала полногрудая девочка и первой встала из-за стола. – Вика – это я. А хозяйничать в чужом доме мне как-то не с руки. К Николаю обратилась – он молчит, не говорит, что делать.

– Коленька и так уже слов десять сказал, – улыбнулась Верка. – Это для него рекорд. Коленька, как же ты их имена перепутал, а? Себе-то какую выбрал?

– Выбирать Бильбао будет, а мне – какая останется, – не размыкая глаз, ответил он.

Верка тотчас взъярилась:

– Чего? Ты, блин, шутить шути, да меру знай! Ты лучше им сам скажи: если кто на моего Бильбао глаз положит, то я этот глаз... В общем, девки, на полном серьезе предупреждаю...

Настя тоже выпрыгнула из-за стола и тотчас пошла к двери:

– Нет, хватит! Один молчит, другая кричит. Сумасшедший дом. Не хватало еще, чтоб мне тут грозили. И все ради чего?

– А ради чего? – спросил, не меняя сонной позы, Коленька.

Настя обернулась к нему:

– Дружок же твой заливал: скучать не будете, выпьем, поболтаем... Да видела я в гробу такую болтовню! А спящих мужиков и на пляже полно. Адью!

Вторая гостя тоже потянулась было к выходу, но тут у ворот дома загрохотал мотоцикл, взревел и стих, а потом послышался истошный крик:

– Эй, кто в теремке? Приготовились к разврату! Все, кроме покоящегося в кресле Коленьки, невольно посмотрели в окно, мимо которого прошествовали с коробками в руках два парня, в одинаковых синих джинсах, голые по пояс, русоволосые... И вот они уже в комнате, выставляют на стол бутылки лимонной водки, консервы, выкладывают батоны колбасы.

Парни очень похожи друг на друга, но один мускулист, смугл, а у другого можно увидеть все ребра, да и загар его, видно, обошел стороной. Худой сразу обнял за талии девочек, подвел их к столу:

– Ну-ка, милые, покажите, как колбаску нарезать умеете... Вы давно колбаски не видели? А шпроты когда-нибудь пробовали? В наше голодное время все это притащить...

Верка быстро нарезала овощи: красные и зеленые кружки красиво как бы сами собой укладывались на тарелки.

– Шпроты ладно, а водку где раздобыли? Она же только по талонам, да и то не выкупишь.

– Мы – да не достанем! – хлопнул себя по впалой груди худой, но Верка махнула рукой:

– Сиротка, блин, ты помолчи. Ты пойдешь без Бильбао и достанешь хоть чего-нибудь, хоть гвоздь ржавый. У тебя получается только за ним коробки таскать.

Сиротка не обиделся, хохотнул, попытался было схватить со стола помидор, но Верка ловко выбросила нож навстречу его руке:

– Полегче, блин! Хоть руки у тебя и выросли не из того места, какого надо, но все равно их лучше беречь. – Заметив, что Бильбао оглядывает девочек, она почти жалостно продолжила: – Сереж, скажи ему: пусть угомонится. И вообще, давайте сейчас нормально сервируем стол, сядем по-человечески, а? – Верка приблизилась к Бильбао, заглянула ему в глаза: – Сереж, у нас же не просто пьянка, а повод, так же?

Он провел ладонью от ее плеча до бедра, легонько хлопнул по широкому заду:

– Молодец, правильно рассуждаешь, подружка! Гостей наших в дело увлеку. Смотри, каких прелестниц Сиротка оторвал! А ты его вечно ругаешь! У него, оказывается, вкус есть. Красота невиданная! – Тут же заметив, как поскущела Верка, он добавил: – Им бы еще сердце твое, да такого сердца нет ни у кого. Ты неповторима, Верунчик.

Верка заулыбалась, в голосе ее вновь появилась уверенность.

– Колбасу очистить от шкурки сначала надо, потом нарезать. И раскладывайте кружочки, а не пирамиды из них стройте. Эх, дайте я сама...

Бильбао уселся на подлокотник кресла, где полулежал, так и не открывая глаз, Коленька, спросил:

– Не выспался?

Тот покачал головой:

– Все нормально. Мне просто хорошо. Я так ждал этих каникул...

– Оторвемся! На полную катушку! Что пожелаешь, дружок, то и сделаем. Скучать не будешь! Пойдем к столу. – И уже через плечо бросил:

– Вер, убери рюмки, мензурки эти. Ставь стаканы!

– Во, дело! – хлопнул в ладони Сиротка, но Верка тут же осадил его радость:

– Помолчал бы. Тебе из пробки пить надо! А лучше – только нюхать. И с этого пьян будешь. Сереж, а чего – стаканы-то? Есть большие рюмки...

– Стаканы, – только и ответил Бильбао, и Верка метнулась к буфету.

Славно погудели.

Уже после третьего тоста, который был за женщин, естественно, Бильбао повел Верку в соседнюю комнату. Старая кровать так славно скрипела, что завела даже инфантильного Коленьку, тот еле дождался появления на пороге Верки и Бильбао и исчез за створками дверей, обнимая полногрудую подружку. На Вике была расстегнута кофта, груди уже готовы были выпрыгнуть из ажурного лифчика.

За столом возвышался Сиротка и ныл так, как ноют нищие, прося подаяние. Рядом с ним сидела, распрямив спину, Настя, и недовольно морщилась, то и дело отбрасывая со своей коленки руку соседа. Верка, не останавливаясь, прошла мимо них, вышла на улицу.

– Бильбао, – сказал пьяный Сиротка. – А она не хочет со мной. Ну, скажи ей, Бильбао...

Настя пристально посмотрела на Бильбао, облизала кончиком языка красивые губы.

– Женщин нельзя упрашивать и заставлять. – Бильбао сел напротив, плеснул в стакан водки, выпил одним глотком. – Не хочет – отпусти ее. Женщина – как птица, она должна быть всегда свободной. Отпусти ее и ищи другую.

– А если я захочу быть с тобой? – не сводя с него взгляда, спросила Настя.

– Тогда я попрошу у тебя прощения, подружка. Желание женщины – конечно, закон, но я никогда не продаю друзей. Вот если бы не Сиротка, а я нашел тебя вчера на пляже...

– А как же твоя эта, которая роль хозяйки тут выполняет? – Настя кивнула на входную дверь.

– А подружки мне не диктуют, как жить. Я не диктую, и они не диктуют. Взаимоуважение. Настя очередной раз сбросила руки Сиротки со своих ног, сказала, обращаясь к Бильбао:

– Действительно, жаль, что не ты меня вчера нашел. Предупреди, когда в следующий раз на поиски отправишься, постараюсь на глаза попасться.

– Ты меня правильно поняла, – кивнул Бильбао. – Мы еще найдем друг друга. А сейчас – побудь с Сироткой, представь, что это я.

Она перевела взгляд на плечи Бильбао, на широкую грудь, на живот с квадратами мышц.

– Не ты, – сказала. – Далек не ты.

Сиротка мало что понял из их разговора, но кое-что все же уловил:

– Мы братья, понимаешь? Мы с ним одна кровь! Мы всегда друг за друга, до конца...

Настя даже не вслушивалась в его бормотанье, протянула Бильбао стакан:

– А как насчет брудершафта?

– Оставим на потом.

– Я снимаю комнату на Приморской улице, третий дом от края, справа. Еще четыре дня тут буду. Придешь? Я хочу, чтоб ты пришел.

Бильбао кивнул.

Она встала, прошла так, чтоб задеть бедром руку Бильбао:

– Я завтра ждать тебя буду. Посмотрю, как ты держишь слово.

И твердой, уверенной походкой направилась во вторую комнату. Сиротка поскакал вслед за ней, оборачиваясь и победно подмигивая Бильбао.

Вечером, когда солнце уже по пояс окунулось в море, они всей гурьбой вышли из дома и отправились на побережье. Левее городского пляжа, за огромными серыми камнями, разделась догола, всколыхнули зеркальную воду залива, и волны, медные от последних лучей светила, заплескались в отрывистый берег...

* * *

А утром следующего дня Бильбао сидел напротив человека в милицейской форме и уныло разглядывал трещины на лаковой крышке стола. Разговор складывался очень даже неприятно.

– Ты что-нибудь слышал про статью сто семнадцатую? Знаешь, какой срок там светит?

– Что, на меня заявление от изнасилованных поступило? – спросил Бильбао.

– Еще нет, но вполне, думаю, может поступить. Вчера вот опять притон в доме организовал, потом голыми в море купались. Было?

– Было. Но ведь, дядя Федя, повод какой: друг первый курс университета окончил, в отпуск приехал...

– Колька-то? Исаев? Видишь, парень какой молодец. Вы в школе за одной партой сидели, а он вон как пошел. Учится, и не где-нибудь, а в университете.

– Так мы же два события вчера отмечали: я тоже в университет поступил, на журфак. Заочно, правда. Вот и выпили. А без девочек и водка в горло не идет.

– Нашел девочек, – хмыкнул милиционер и снял с капитанского погона невидимую пылинку. – Ты ведь всех, кого ни встретишь, без разбору в кровать тянешь... Неприятно мне, племяш, с тобой на эту тему говорить, но приходится, потому что сеструху жалко. Мамку твою жалко, понял?

– Ты меня, дядя Федя, вообще половым гангстером представляешь?

– А кто ж ты? Гангстер и есть. Даже Полякову!..

Бильбао удивленно вскинул голову, а капитан продолжил:

– Да, даже Полякову, заместительницу редактора районной газеты, отодрал! А ей уже почти тридцать, и страшнее она атомной войны. Не так, что ли?

Бильбао тяжело вздохнул:

– Об этом знал только я и никому не говорил. Как это тебе стало известно, дядя Федя?

– Как стало известно... Я тебе могу даже сказать, подшивки каких газет вы для своих целей на стол подкладывали. Не в деталях суть. Чего ты с этой старухой связался?

– Она не старуха, а нормальная женщина бальзаковского возраста. Мне рекомендация от редакции нужна была, для поступления на журфак. А я в районке печатался, вот и пошел, попросил. Ну и она... попросила.

– Попросила, – вновь повторил милиционер. – Оно понятно, без мужа не сладко, да в таком возрасте... Хочется, конечно. А тут – вон качок какой, под два метра, с шампуром стальным. Как стало известно, спрашиваешь? У нас же, Серега, город такой – на одной окраине пукнешь, а на другой слышно. Тут все как на ладони.

Городок, где родился и вырос Сергей Калганов по прозвищу Бильбао, был действительно крохотным. Пять трехэтажек составляли его центр, были еще высотные корпуса рыбозавода, да райкома партии, да гостинки... Все остальное – частные застройки, хатки с садами на улицах, упирающихся с одной стороны в море, с другой – в степь. Тихо и покойно жил городок все месяцы, исключая летние. Уже с середины мая население его увеличивалось раза в три, почти в каждом дворе селились прибывающие сюда со всех концов страны «дикари», оживал базар, оживали мальчишки, торгующие связками сушеных бычков, и бабки, предлагавшие отдыхающим самогон. Впрочем, самогон по большей части раскупали свои же, местные ребята и мужики, так как большинство отдохавших составляли представительницы слабого пола, от восемнадцати до сорока, привыкшие не тратиться, а угощаться за счет ухажеров.

Бильбао тоже когда-то начинал с бычков. Отца своего он почти не помнил, а то, что осталось в памяти, ничего хорошего не составляло. Отец пил и горланил песни. Раньше он был женат на живущей на их же улице Сироткиной, но та его выгнала, как только родила сына. Через год после этого появился на свет Серега. Еще через пять лет отца похоронили: отравился самодельным пойлом. О его существовании напоминал отныне Сереге такой же бело-волосый и высокий Вовка Сироткин, его сводный брат. Они вместе ловили и продавали бычков, но вот первую артель основал сам Серега. Он ввел специализацию: под его руководством одни пацаны теперь только добывали бычка, другие его солили, третьи продавали. По поводу выручки, за дележ которой отвечал Калганов, никогда не возникало споров. Между прочим, ему тогда исполнилось чуть больше десяти, а большинство артельщиков были старше на два-три года...

– Я жалею, Сергей, что тебя в армию не забирают – единственный кормилец матери – инвалида труда, – продолжил капитан. – Надо было тебе послужить, может, ума набрался бы. Понял бы, что сыновнее дело – в первую очередь матери помогать.

– Да разве ж я не помогаю? На заводе пашу.

– Знаю, я ведь туда тебя электриком и устроил.

– Ну так а чего же говорите? Я у матери ни копейки для себя не беру, а ей с каждой полочки что-нибудь покупаю.

– Правильно делаешь. Но у вас же еще сад есть, огород большой, а я тебя с лопатой никогда не видел. Вот в землю бы ты свою энергию и направлял, а не в баб, и земля была бы плодородней... Чего ржешь?

– В землю – это как, дядя Федя? В мышкину норку?

– Э, у тебя опять на уме одно. Но может, лучше и в мышкину, чем... Вот сейчас ты с этой связался, которая телеграфисткой на узле связи работает...

– С Веркой?

– Ага, с Веркой по прозвищу Трахтенберг. Знаешь, почему ее так назвали? Она же со своим передком Крым и рым прошла, она старше тебя почти на четыре года.

– Это не страшно, дядя Федя. Зато из-за нее уж точно по сто семнадцатой не сяду.

Капитан нехорошо улыбнулся:

– По сто семнадцатой не сядешь. Но не думаю, что все закончится лучше. Знаешь, что она своим подружкам говорит? Что поставила задачу забеременеть от тебя и потом затащить в ЗАГС. И ты от этого не откажешься, потому что... В общем, потому, что я тебя знаю. И все после этого. И сопьешься тут, и скурвишься, и сторишь. И подзахоронят тебя к отцу. Хочешь этого? Хочешь в девятнадцать лет крест на себе ставить?

– А ты хочешь, чтоб я в девятнадцать в монастырь ушел? Или чтоб редиску на рынке продавал?

Капитан тяжело вздохнул, помассировал затылок, потом пригладил свой седеющий чубчик.

– Да не знаю я, Серега, чего хочю. Только жалко мне и свою сестру, и тебя. Боюсь, с такой жизнью в тюрьме кончишь, и даже я тебе ничем не помогу. Пьешь, баб без разбору дерешь, мужикам морды бьешь...

– В рифму у тебя получается, дядя Федя.

– Чего?

– Ну, говоришь, как стихи сочиняешь. А морды в прошлое воскресенье на танцах я бил за дело, между прочим. И те, кому бил, на другой день еще и бутылку мне поставили.

– Все, – сказал милиционер и встал со стула. – Все, Сергей. Не получается у нас с тобой разговора. Плохой из меня воспитатель. Не могу подсказать, куда тебе силу девать надо.

Поднялся и Бильбао:

– Да не переживай, дядя Федя. Насчет Верки – спасибо за предупреждение, умней буду. А так – все у меня нормально. Маму никогда на свете не обижу, слово даю. Вот сейчас она в больнице лежит, так спроси, какие я ей передачи ношу и какие лекарства достаю.

– Все, – повторил капитан. – Хотя нет, еще один вопрос, Сергей. Может, самый серьезный. Дошли до меня слухи, что пушкой обзавелся, стрелять начал?

Бильбао не спешил с ответом, и капитан продолжил:

– Ты, знаю, врать не умеешь, так что и сейчас не старайся это сделать. Скажи как на духу.

Бильбао поднял глаза на дядю:

– У меня есть самопал, под малокалиберные патроны. Сам сделал. По мишеням с Сироткой бахал. Но и ты же когда-то сам рассказывал, что тоже в детстве такой имел, забыл разве?

– В детстве, – поднял палец капитан. – А когда повзрослел, в туалете его утопил. Лет пятнадцать мне тогда стукнуло. Бывают такие игрушки: детям можно с ними возиться, а старшим – опасно. Так вот, советую, если ты уже не дите... Понял, да?

Бильбао промолчал.

– У пистолета, Сергей, одна особенность есть, ты уж мне поверь. Порой подумать еще не успеешь, а он уже стреляет. Первым стреляет, понимаешь? А кто стреляет первым, да еще точно, тот всегда виноват, по-нашему. Тут я если и захочу, то не смогу тебе помочь.

– Я вторым всегда буду стрелять, дядя Федя. Слово даю.

* * *

Бильбао лежал на животе, а Настя выводила пальцем на его загорелой спине понятные одной ей фигуры. Палец чуть дрожал – так она устала.

– И все же ты негодяй, Бильбао, – сказала она вовсе без зла и поцеловала его в плечо, в то место, где от недавнего метания, остервенения от сладостной муки остался след ее острых коготков.

– В чем дело? – спросил он, не повернув головы.

– Я все поняла. Я поняла, почему за тобой бабы табунами ходят. Ты влюбляешь их в себя. А так нельзя. Это нечестно.

– Я что тебе, стихи читал или цветы дарил? – Он продолжал лежать не шевелясь.

– Нет. Но ты пообещал – и пришел. Ты и обнимаешь, и целуешь по-особому, так больше никто не может. Ты очень хороший негодяй. Искренний негодяй. Я хотела бы сегодня быть с тобой долго-долго, но обманывать не буду. Уже полчаса ходит возле забора твой меньший брат. Он тебя не зарежет из-за ревности?

Бильбао рывком вскочил, сел на кровати:

– Сиротка? Он, кстати, на год старше.

– Никогда бы не подумала. И честно признаюсь, не хотела бы, чтобы он пришел ко мне в гости. – Настя на миг прижалась щекой к его плечу. – Даже если ты попросишь. Но ты не попросишь, ведь так?

– Сиротка пришел за мной, – сказал Бильбао.

– Он знал, что ты у меня? – удивилась Настя.

– А чего мне скрывать.

– Тогда ведь, у тебя в доме, у нас с ним ничего не было. Он упал рядом и сразу заснул. И я была просто счастлива от этого.

– Я и не сомневался, что так оно и произойдет, – ухмыльнулся Бильбао. – Только потому и обратился к тебе с просьбой.

– И еще спрашиваешь, почему я назвала тебя негодяем! – Настя стукнула его кулачком в грудь. – А он тут уже полчаса ходит. Знаешь, зачем я это говорю?

– Знаю. Значит, время у него терпит и может еще полчаса подождать, так?

Настя тихо засмеялась:

– Какой же ты хороший негодяй!

Сиротка даже одевался точно так, как Бильбао. Сейчас на нем были тельняшка с закатанными по локоть рукавами и темные джинсы, подпоясанные широким офицерским ремнем.

– Она тебе, наверное, что-то рассказывала о том, как мы с ней?.. – Сиротка попробовал на ходу заглянуть в глаза Бильбао.

– Нет, у нас были другие темы для разговоров.

– Ясно, конечно. Но у нас так все классно получилось – ты представить себе не можешь! – говорил Сиротка все же не слишком уверенно и косился при этом на сводного брата с подозрением.

– Ну и славно. И чтобы сообщить об этом, ты торчал битый час у дома Насти?

– Не, Бильбао. Тебя отец Жорика обыскался. Ты помнишь Жорика Кобылкина? Он со мной учился, сейчас в армии служит.

– Кобылкин? Который бычков хорошо сушил?

– Он самый.

– Нормальный парень. А чего отцу нужно?

– Вон их дом. Давай завернем, а то я объяснять долго буду.

Кобылкину-старшему было за пятьдесят, когда-то он работал на рыбозаводе механиком, но попал там по пьянке в аварию и потерял пальцы на одной руке. После этого он, во-первых, совершенно бросил пить, во-вторых, начал читать газеты и следить за политикой, а в-третьих, нашел свое место на поле зарождающегося бизнеса. Мотался Кобылкин по деревням, скупал свиней, коров, потом вез мясо на рынок в соседний город, Светловск, который не чета их. Там и железнодорожная станция, и завод с фабрикой, и техникум с институтом... Словом, товар не залеживался, и имел на нем Кобылкин неплохую выручку. Моторку приобрел, гараж кирпичный поставил, в доме есть все...

– Я бы, Бильбао, тебя и не думал беспокоить, да сын пишет: обратись, етить, за помощью к лучшему дружку моему. Я раз отписал ему, что бесполезно это, что, етить, при таком раскладе и милиция не поможет, а Жора опять: Бильбао все сделает. А я думаю, ничего тут не сделаешь. Но все же тебя услышать хочу, поскольку затронута задача политической важности. Может, хоть совет, етить, дашь.

– Ты насухую все объяснять собираешься? – спросил Сиротка. – Может, все же нальешь по пять капель? Да не самогонки, а чего-нибудь попримичнее.

– Так Горбач, етить, виноград вырубать стал, чтоб общество политически протрезвело, вот и нет в стране хорошего пойла. Хотя для Бильбао, конечно, найдем.

На столе в беседке, увитой изабеллой, появилась бутылка коньяку. Хозяйка принесла сюда сваренные вкрутую яйца, рулет, заправленный чесноком, огромные мясистые помидоры. После первой же рюмки начался разговор по существу.

До поры до времени проблем с продажей мяса у Кобылкина не было. Но с месяц назад впервые на рынок наведались непонятные парни. Сказали, что это отныне их территория, что они на ней устанавливают свой порядок, а за это им надо платить. Ну, раз заплатили, два. А потом их ставки расти начали, да так, что потерялся смысл заниматься торговлей.

– И много брали? – спросил Бильбао.

– Так я ж говорю, что, етить, смысла теперь никакого нет на рынок ездить. Это удар по государству, Бильбао. Я у кого мясо покупаю? У стариков да старух из глубинки. Не куплю – они же завтра скот перестанут держать, потому что на мои живые деньги там и комбикорм достают, и сено. И таких частников-заготовителей только в нашем городе я знаю восьмерых. У всех сейчас руки опустились. Потому и говорю: если посмотреть на вопрос политически...

– Политически я не умею, – сказал Бильбао. – В милицию обращались?

– Без толку. По рынку-то менты ходят, но в аккурат перед набегом исчезают. А нам потом говорят: у нас, мол, полно и других объектов. Но мне кажется, боятся они сами этих лысых.

– Почему лысых?

– А те, кто деньги у нас забирает, под ноль стригутся. И все как на подбор крупные бугаи. Ты Малашенка не знал? Он тоже ведь не подарок, в морфлоте служил, корову кулаком убивает. Отказался Малашенко им платить, и они его отделили так, что в реанимацию попал.

– И никто за него не заступился?

– Вот с этой рукой, – поднял Кобылкин культю, – разве навоюешь? И почти все продавцы такие: то больные, то старые. Это тоже политический вопрос, между прочим...

Бильбао поморщился:

– Да черт с ней, с политикой. Лучше скажи, сколько этих бугаев к вам приезжает.

– Когда четыре, когда пять. Так что и не знаю, стоит ли завтра за заготовку ехать, чтоб к выходным, значит, на рынок попасть.

Бутылка вроде как сама собой оказалась пустой. Хозяин позвал было жену, чтоб та принесла продолжение, но Бильбао уже поднялся из-за стола:

– Спасибо, хватит. Будешь сыну письмо писать – привет передай.

– Передам, а как же!

Кобылкин пошел провожать гостей до калитки. Те не сказали о деле ни слова даже тогда, когда потопали по шербатай асфальтовой дорожке, проложенной вдоль домов, в сторону моря. И он неуверенно крикнул уже им вдогонку:

– А с мясом-то, етить, как быть? Ехать на заготовку или уже и не надо никогда?

– Дак а чего ж, – пожал плечами Бильбао. – Непонятно разве? Раз друг помочь попросил...

– Добро. Так я и всем своим скажу!

Пустынна была эта улочка. Жара прогнала стариков в дома, молодых к морю, и только тощие коты отрешенными взглядами провожали сытых воробьев, перелетающих с дерева на дерево. Сиротка откровенно зевал: коньяк уже расслабил его.

– Бильбао, мы куда, купаться?

– Не знаю.

– Встряхнуться охота, не то засну.

– У тебя дел впереди много, – сказал Бильбао. – К поездке на рынок в Светловск надо подготовиться. наших всех собрать, поговорить с ними, кого они еще с собой прихватить могут.

– А зачем нам армию собирать? Кобылкин же говорил, что этих пацанов от силы человек пять.

– Кобылкин еще говорил, что они Малашенко ребра поломали. А я драться с ними не хочу.

Сиротка остановился, даже рот разинул:

– Бильбао, ты боишься?

Тот покрутил головой:

– Я о другом. Драка ничего не решит, братан. Мы им, конечно, морды начистим, но через неделю они вновь наших мужиков ограбят. Надо, как в футболе говорят, показать сопернику скамейку запасных. Надо сделать так, чтоб они сразу и навсегда поняли: вкаты на нас нельзя, мы – сила. Сообразил?

– Бильбао, у тебя голова!

– Эй, тельняшки-двойняшки!

Это уже раздался голосок от дома, мимо которого братья как раз проходили. Нина, женщина лет двадцати двух, крепко сложенная, с пышным бюстом, в огромных солнцезащитных очках, со взбитой прической, поманила их пальцем от калитки:

– Ребята, я завтра уезжаю, а выпить еще осталось. Хотелось бы это осуществить с приятными людьми. Вас я к таким отношу. Зайдете?

Нина приехала сюда аж из Москвы, где пела в ресторанах, а теперь вот ее пригласили в одну знаменитую, всюю раскрученную группу, название которой она не говорит, чтоб не сглазить. После отдыха у моря ей предстоит подписать контракт. И первые же гастроли с ее участием – за рубежом. По этому поводу она уже проставлялась, попав в компанию с Бильбао, и тогда же, прямо на ночном пустынном берегу, поняла, почему знакомые подруги в восторге от местного плечистого дикаря, закусывающего коньяк луковицей и не умеющего держать вилку.

– А как же, Ниночка, зайдём! – сказал Сиротка, потирая грудь. – Только зови и свою подругу. У тебя была, черненькая такая.

– Нет, – одновременно с ним высказался Бильбао. – За счет дачниц не пью.

Женщина встряхнула копной рыжих волос: – И что ты по такому поводу предлагаешь?

Сиротка сказал чуть тише, так, чтобы слышал лишь Бильбао:

– А не мешало бы оторваться. У Кобылкина пригубили – и ни то ни се. Муторно на душе.

– Я предлагаю, чтоб Сиротка сбегал и принес, – ответил рыжей Бильбао. – Заодно он пригласит и Коленку, я тебе рассказывал о нем, но так и не познакомил. Сейчас есть возможность.

Нина распахнула калитку:

– Заходи, еще чего-нибудь расскажешь, пока брат твой с задачей справится. – И зашептала, уже привалясь к плечу Бильбао: – Это ты хорошо придумал, что отослал его. Пойдем быстрее в дом, а то ведь можем и не успеть, если твой брат шустрим окажется...

Хорошо погудели! Так, что у девок уже не хватило сил топтать к морю, где этот вечер выглядел просто сказочно хорошим. В загранку, в сторону Ирана, летели розовые от заходящего солнца лебеди, волна на песок накатывала легкая, шуршащая, уже тронутый осенью воздух разносил запах антоновки. Солнце садилось в дымку, тревожило багровым цветом.

На пляже оставались любительницы приключений да, наверное, поэтессы – нежные девицы с огромными мечтательными глазами. Бильбао с эскортом – а эскорт составили пятеро парней, таких же подвыпивших, рослых буянов – не обращали на нежных никакого внимания, шли мимо, но зато ощупывали и ощипывали представительниц той прекрасной половины человечества, которая, вроде бы протестуя веселым визжанием против этих грубых шуточек, подставлялась под их крепкие горячие ладони.

Вот в зоне досягаемости Бильбао оказалась точеная блондиночка с огромным мячом в руках. Она стоит к нему спиной, будто не замечает, будто не хочет замечать, будто не знает, что нельзя находиться на пути подвыпившего Бильбао. Нет, он не сволочь, он не гад, он не сделает ей больно, но... Но мимоходом, без остановки, он скидывает руку, пальцы, никогда не теряющие гибкость и ловкость, делают свое дело, и вот уже в этих пальцах – голубая лента, составлявшая верх изысканного купальника. Блондиночка кричит, прижимая мяч к освободившейся от заточения в материи груди:

– Бильбао, дурачок, отдай, что ты делаешь!

А Бильбао знает, что делает. Он все тем же размеренным шагом идет по мокрому песку, с прищуром смотрит на затухающий солнечный диск и будто не замечает бегущего за ним белокурого ангелочка.

– Бильбао, отдай, Бильбао! Да ты что!

Он останавливается так, чтобы развернуть ее лицом к морю, чтобы хохочущая братия видела только спину девушки с легким загаром, а все остальное открылось лишь его глазам:

– Меняю на мяч!

И вишневым солнцем, и зеленоватым морем, и бледно-голубым небом освещается блондинка. Нет гнева и страха в ее глазах.

– Ты сумасшедший, Бильбао!

Отпускает покотившийся к воде мяч и тотчас прикрывает ладошками темные изюмины груди.

Бильбао подзывает ее рукой:

– Иди, сам одену.

– Ты сумасшедший! – Нет гнева и страха и в голосе.

Он надевает ей бюстгальтер и говорит так, чтоб слышала лишь она:

– Боже, какое красивое создание! Какая идеальная фигура! Ты чудо, малышка!

И идет дальше, и блондиночка завороченно и влюбленно смотрит ему вслед, забыв о качающемся на тихой волне мяче.

А братва Бильбао хулиганствует, как армада флибустьеров, получившая на откуп от командира город в знак победы. Братва орет подобающую моменту песню «Бредет орда, берет в полон славянок...» и срывает, по примеру вожака, купальники с девчонок, те тоже визжат и ахают, в честь перемирия пьют из пластиковых стаканов вино и глядят при этом лишь на Бильбао. А он уже не пьет, он с Коленькой стоит на срезе песка и воды и разговаривает так трезво, будто не было ни попойки, ни пьянящих девчонок:

– Все нормально, Коля?

Тот одет в брюки от светлого костюма, в рубашку с модным стоячим воротничком. Тот не орет песен и не лапает девок и совсем не старается походить на Бильбао. Коля жует сухую веточку, поправляет золотую оправу очков:

– Спасибо, Сережа. Ты мне тут сучать не даешь. Я в Ростове чуть не скис от тоски.

– Неужто в Ростове скучно? Там ведь столько девок! Со мной знаешь какие на журфак поступили!..

– Девки есть. Моря нет, вольницы нет. В общаге разве вот так можно развернуться?!

Коленька был сыном учительницы физики и врача, слыл интеллигентным мальчиком, учился на пятерки, но успевал и бычков ловить, и футбол гонять, и драться уметь. Пил он очень мало, вовсе не курил, раздеть на пляже девчонку никогда не посмел бы, лишь с тонкой улыбкой наблюдал за буйствами друга, но учить того своим принципам даже и не думал. Не по годам выдержанным и мудрым был Коленька.

– Сиротка сказал, ты в выходные уезжаешь в Светловск местных лупить?

Бильбао заулыбался:

– Мы с этой миссией туда уже мотались. В каком классе тогда учились, не помнишь?

– В девятом. Первый раз в марте поехали. Я в зимней математической олимпиаде участвовал, там познакомился с Ритой, узнал ее адрес, получил приглашение на чай. И вот после чая, когда к автостанции шел, меня местные отдубасили. Я тебе об этом сказал, и ты на следующий же день бойню там устроил.

– А что, хорошая драка тогда вышла. Мы после того раз пять или шесть еще с ними сходились. Ни разу не проиграли.

– Пацанами были, – сказал Коленька. – Но сейчас – дело другое. И драка совершенно другая намечается. Я с вами поеду.

– Не стоит. – Бильбао поднял плоский камешек, запустил его по воде. Камешек удачно перескочил через первую волну и долго еще прыгал лягушкой, не желая тонуть.

– Стоит. Я поеду.

– Чтоб скучно не было? – Бильбао глянул в сторону своей гвардии. Там орда начала очередную забаву. На плечи парням взгромоздились девчонки в купальниках, наездницы толкаются, пытаясь свалить друг друга. – «Идет орда, берет в полон славянок»... Вина не хочешь? У кого-то из наших банка вина должна быть. Хорошее, домашнее. А потом поплаваем. До буев. Сил хватит?

– После вина так напрягаться не стоит. А выпить... Пойдем пропустим по стаканчику.

Бильбао оглянулся, замер в охотничьей стойке, направив взгляд на одну из кабинок для переодевания. Над ней взмыли на миг тонкие руки.

– Иди, Коленька, разливай. А я сейчас.

Коленька понятиво улыбнулся, поискал на песке плоский камень и кинул его над водой. Камень столкнулся с первой же волной и тотчас утонул. Коленька улыбнулся, прошептал себе под нос: «Другого и не надо было ожидать. Талант – он во всем талант». Но Бильбао этого уже не видел и не слышал. Он уверенно шел к нужной кабинке, ни на секунду не задержавшись, не сделав шаг мягче, неслышной, повернул в ее синий жестяной лабиринт, крутнулся там пару раз...

Девушка перед ним стояла совершенно обнаженная, держа на плечах махровое полотенце. Он увидел только ее глаза, не мог ничего больше видеть, кроме ее темных глаз. Девушка не завизжала, не заругалась, не стала заслонять свое тело одеждой или хотя бы руками. Она спокойно глядела на Бильбао. Так прошло, наверное, с полминуты.

– Все рассмотрел? – наконец спросила она.

Он молчал. Он не находил слов для ответа.

– Теперь выйди вон отсюда. Вон выйди, слышишь?

У нее был негромкий, но сильный голос.

Бильбао повернулся и молча покинул кабинку. Коленька видел, как он вышел из нее и направился не к компании, где уже разливалось по стаканам вино из трехлитровой банки, а к морю. Сбросил джинсы и тельняшку, зашел в воду, сразу же нырнул, выплыл нескоро, широкими гребками стал уходить в сторону едва видного над горизонтом осколка солнца. Минуты через три осколок этот вспыхнул и пропал, тут же на землю навалились сумерки. Как ни вглядывался Коленька в воду, Бильбао он уже не видел.

Из синей кабинки вышла высокая девочка, прошла мимо них, тоже посмотрела на море. Коленька ей кивнул, но она не заметила этого, пошла к домам, однако у крайних грибков пляжа все же остановилась. Наверное, забеспокоилась за пловца.

Первым не выдержал Сиротка. Он подбежал к воде, сложил рупором ладони, позвал брата один раз, потом второй. Ближе к одежде, брошенной Бильбао на песке, подтянулись все остальные. Сиротка начал срывать с себя тельник, но его тотчас взяли в оборот: не хватало, мол, двоих сидеть ожидать. Да и что он может найти в ночном море?

– Давайте без истерик, – сказал Коленька. – Серега и до Турции запросто может доплыть. А собирался он добраться к буям. Туда да оттуда, – взглянул на часы, – минут через семь вернется.

Он бросил взгляд через плечо: девушка у грибка все еще стояла, хоть уже трудно было различить ее в темноте. С той же стороны кто-то быстро приближался к берегу. Коленька узнал Верку Трахтенберг лишь тогда, когда она остановилась рядом с ним.

– Чего здесь, а? Где Сережа?

– Заплыв устраивает, – как можно спокойней ответил он.

– А зачем Сиротка кричал, блин?

– Выпил мало.

Он опять взглянул на часы: пора бы пловцу вернуться. И тотчас слабые всплески послышались на воде. Все закричали, заскакывая в воду.

Бильбао вышел на берег, лицо его было скучным, спокойным, усталость ни буквой не прочитывалась на нем. Сел, протянул руку за пластиковым стаканом с вином. Выпил, бросил стакан через плечо:

– Эх, хорошо!

И легонько хлопнул Верку по чуть отвисающему заду:

– Ты здесь какими судьбами?

Коленька опять оглянулся. У грибка уже никого не было.

* * *

Кобылкин увидел идущего между мясных рядов Бильбао и тотчас рванул ему навстречу:

– А я уж думал, не приедешь. Прямо испугался. Сегодня вон продавцов сколько... Ты чего, один прибыл?

– А вы скольких ждали?

– Ну, не знаю. – Кобылкин пожал плечами. – Только эти, которые обчищают нас, они амбалы – будь здоров, етить их...

– К обеду, значит, приходят?

Продавец взглянул на часы:

– Да когда как. Может, через час объявятся, может, позже. Милиционеры пока ходят, вон они, видишь? Вот когда исчезнут, тогда, минут через десять, этих налоговиков и ждать надо.

– С какого ряда они обычно обход начинают?

– С нашего. А вообще-то последний раз был такой разговор, чтоб кто-то из продавцов дань сам собирал и им только передавал.

– Вот и хорошо. Скажешь, что дань уже собрана и находится у меня.

– Бильбао, они ведь шуток не понимают.

– Да я по шуткам и сам не большой специалист.

Бильбао ленивым шагом прошествовал вдоль рядов к выходу, вышел в маленький скверик, где у кустов желтой акации стояли тяжелые скамьи, сваренные из стальных труб и влитые в цемент. Скамьям этим было уже лет пять. Деревянные их предшественницы выдерживали от силы полгода.

На одной из скамей, обложившись газетами, сидел аккуратно одетый парень. Бильбао опустился рядом.

– И что там пишут?

Коленька по привычке поправил пальцем очки.

– Пишут, что мы посчитали их простачками, этих вымогателей. А они, оказывается, действуют мудрее. Во всяком случае, к телефонным кабинкам никто в течение получаса не подходил.

Бильбао прикрыл глаза:

– В чем же мы тогда не правы? Налоговики эти чертовы заявляются сюда, когда уходят милиционеры. Значит, кто-то должен тут крутиться, чтоб позвонить им и сказать, что патруль слинял с рынка.

– Вот в этом и есть примитивизм нашего мышления. – Коленька постучал кулаком по лбу. – Много книг про шпионов читали, все оттуда черпаем, а сами соображаем неважно. Пока я тут сидел, то понял, что у этих налоговиков есть много других ходов.

– К примеру?

– Ну вот один из вариантов. Сейчас появилась мода на сотовые телефоны: по ним можно позвонить с любой точки рынка. А есть, Серега, и такое предположение: менты получают мзду от фискалов, они же им и подают знак, и не из телефонной будки, на которую я глаза пялю, а по своей радиостанции.

– Я об этом варианте тоже думал, – кивнул Бильбао. – Его в голове держу, а что предпринять, не знаю. Но зато угадай, куда я всех наших послал?

– Ну, не пиво пить.

– Правильно. Я думаю, что если после ухода ментов налоговики через десять минут уже здесь оказываются, то где-то поблизости от рынка они на своей машине и дежурят. А поскольку, как говорит Кобылкин, подъезжают они на одном и том же красном «москвиче» с трещиной на лобовом стекле, то почему бы его и не поискать по переулкам?

– Тебе на сыщика надо было поступать учиться, а не на журналиста.

У центрального выхода из рынка показался милицейский наряд. Два сержанта, оципывая виноградные кисти, скучаяще прошли мимо скамьи, и Коленька проводил их долгим взглядом.

– Следишь, воспользуются они или нет рацией? – попытался угадать Бильбао.

– Нет. Другое на ум пришло. У ментов ведь наверняка есть маршрут, они постоянно одним и тем же путем ходят, понимаешь? И если так, то не стоит никому звонить, надо лишь стоять в определенном месте и ждать, когда они пройдут мимо тебя. Уже в машине можно ждать, сечешь? К примеру, у «Детского мира», они ведь в ту сторону идут, и там стоянка есть. Увидел, включил зажигание... Во, Сиротка летит.

Сиротка, так казалось издали, действительно летел. У него была странная прыгающая походка, а растопыренные руки при этом почти не работали и напоминали крылья самолета.

Лицо его сияло.

– Бильбао, представляешь, мы засекли «москвич»!

– У «Детского мира», на стоянке, – чуть улыбнувшись, ответил тот.

У Сиротки округлились глаза.

– Кто успел?... Да никто не мог успеть! А если ты это знал и раньше, то на кой черт нас гонял? Я что тебе, мальчик?

Бильбао взглянул на часы, еще раз сказал Коленьке, что надо делать дальше, а сам направился к мясным рядам. Коленька же и ответил Сиротке на его вопрос:

– Не обижайся. Мы высчитали это только что.

– Свистишь! Как можно такое высчитать?

– Ну, если голова на плечах есть... А у Сереги она есть.

– Братан – человек! – согласился Сиротка, но обида в голосе осталась. – Только как он мог высчитать? Это не высчитаешь, это тебе ведь не арифметика.

– Точно, не арифметика. – И Коленька поднялся со скамьи. – Это, Сиротка, как слух у музыкантов. Или он есть, или его нет. Так вот, у Бильбао слух как у Моцарта.

Крупный, даже жирный толстяк в черной водолазке по-бычьему выгнув шею и исподлобья взглянул на Бильбао:

– Я не понял, о чем ты вякаешь.

– Твои проблемы, раз не понял, – сказал Бильбао. – Я дважды ничего не повторяю. Иди гуляй, не отпугивай покупателей.

Продавцы, стоявшие поблизости за прилавками, вытянулись, застыли.

Толстяк сжал кулаки, шумно задыхался. За его спиной стояли еще трое, все с короткой стрижкой и тоже в черном. Один из них, с кривым, как у боксера, носом, тронул за плечо уже готового рвануться в бой толстяка:

– погоди, Толян. Это успеется. Я, кажется, старого приятеля узнаю. Бильбао, ты? С каких пор продавцом заделался?

Бильбао взглянул на задавшего вопрос: раньше, кажется, с ним не встречался. Тот тут же пояснил:

– Не вспоминай. Это я тебя хорошо запомнил, – показал на свой нос. – Твоя ведь работа. Ты кодлу сюда свою привозил, дрались мы из-за девок. А меня зовут Чех.

На Бильбао эти слова, кажется, не произвели никакого впечатления. Он даже зевнул:

– Тогда объясни своему бугаю, что драться я умею, а уж по этой роже не промажу.

Такой вызывающий тон подействовал на толстяка как красная тряпка на быка. Лицо стало пунцовым, маленькие глазки хищно сузились.

– Решим проблемы без крови, Бильбао, – миролюбиво, даже с улыбкой сказал кривоносый. – Говоришь, деньги с продавцов ты собрал? И хорошо! Пятьдесят процентов можешь оставить себе, но на будущее ищи другие территории. Эта – наша.

– Да, – вроде как согласился с ним Бильбао. – О будущем мы поговорить не успели. Так вот, о нем. На рынке в этих рядах теперь постоянно будут крутиться мои ребята. И если хоть кому-то из них вы даже пальцем погрозите... Понятно, да?

Кривоносый с сожалением вздохнул:

– Диалога не получается. Давай отойдем, в сквер например, а то тут толпа собирается, как будто цирк пришла смотреть.

– Да чего отходить. – Толстомордый опять попробовал было сделать шаг к Бильбао, но тот, который назвался Чехом, повысил голос – видно, он был тут за старшего:

– Я сказал, Толян!.. Мы что, места лучшего для базара не найдем?!

Бильбао вышел из-за стойки, демонстративно засунул руки в карманы, не спеша отправился в сторону скамейки, где недавно сидел с Коленькой. Тотчас по обе стороны от него, шаг в шаг, как в армейском строю, пристроились крепкие высокие ребята. Еще четверо демонстративно стали за спинами налоговиков, сопровождая их. Чех сразу все понял, закусил губу, но упрямо пошел вслед за Бильбао к скверу.

Остановились у кустов недавно остриженной акации. Здесь к Бильбао подошло еще несколько человек, и местные таким образом оказались в плотном кольце. Даже у Толяна глазки стали испуганными. Сник и Чех.

– Бильбао, ну мы пацанами были – дрались, а сейчас вопросы надо как-то мирно решать.
– Решай, – ответил тот. – О своих условиях я уже тебе сказал.

– Решать не в моей власти. Садись в машину, проедем в одно место, я там тебя познакомлю с кем надо. Вы сумеете договориться.

Бильбао взглянул на Коленьку. Тот покачал головой. Чех перехватил этот взгляд и истолковал его по-своему:

– Если боишься ехать один, пожалуйста: бери с собой пару человек. Вполне возможно, вам тоже найдется работа, войдете в долю...

Бильбао заулыбался. Засмеялись и парни, стоявшие вместе с ним.

– Ты не понял, Чех. Я поначалу подумал, мы будем договариваться о том, чтобы вы сюда носа не совали. А ты о работе, о доле толкуешь. Это не для меня.

– Может, отойдем на пару слов? – Чех хмуро оглядел крепких ребят, прибывших с Бильбао. – Мне кажется, ты просто кое-что не понимаешь.

– Не понимаю – объясни. При всех. Я от них никогда и ничего не скрываю.

– Ладно. – Чех вытащил сигарету, и по ней стало видно, как мелко дрожат его руки. – Когда из-за девок дрались – тут, Бильбао, базара нет. Кто победил, того и баба. А сейчас речь о деньгах идет. Вы лезете в наш карман, и все может закончиться очень даже печально.

– Начнем с того, что в карман лезете вы, – сказал Коленька. – В карман тех, кто за прилавком стоит.

Чех перевел взгляд на него:

– У нас не принято вякать третьему, когда говорят двое. Стой и сопи в две дырочки.

– У вас, значит, плохие порядки, – ответил ему Бильбао. – А теперь слушай меня. Садись со своей кодлой и побыстрее уезжай отсюда, а то у моих руки уже чешутся. И запомни: все, что я сказал, остается в силе. На этот рынок вы дорогу забудете.

– Не я решаю, но слова твои передам кому надо.

Орда нехотя расступилась, пропуская к красному «москвичу» одетых в черное налоговиков. Последним из них шел толстомордый. Прежде чем залезть в салон, он проворчал, ткнув пальцем в Бильбао:

– Не дай бог, встретимся!

– А чего откладывать? – Бильбао сделал пару стремительных шагов и оказался рядом с ним, придерживая дверцу автомобиля. – Пойдем, тут парк рядышком, и есть в нем укромное место. Минут десять нас подождут.

– Да ладно. – Это Чех вступил в разговор. – Сейчас не время...

– А третий не вякает, ты сам говорил.

Толпа одобрительно загудела, приветствуя слова Бильбао.

Толян все же хотел было сесть в машину, но на пути его стоял Бильбао:

– Один на один, без свидетелей. Слабо?

И действительно, через десять минут они вернулись. Понурый толстяк сел в «москвич» и под веселый гул орды рванул с места.

– И как поговорили? – спросил Коленька.

Бильбао пожал плечами.

– Ясно. Гамбургский счет.

– Это что такое? Слышал о нем много раз, а смысл толком так и не знаю.

– Борцы в Гамбурге собирались, при закрытых дверях, без зрителей. На цирковых аренах они дурочку валяли, на публику работали, а вот кто действительно сильнее, там выясняли, в Гамбурге. И никому об этом не говорили. Свой счет победам вели.

Рядом с ними оказался Кобылкин:

– Хорошо, Бильбао, все получилось, етить... Только скажи: вы и вправду здесь дежурить будете? Или сегодня шорох навели, а завтра нас запрессуют эти мордатые?

– Не запрессуют, – сказал Бильбао.

– Так можно нашим и передать? Они все меня просили это узнать.

– Торгуйте спокойно.

Кобылкин протянул ему пухлый конверт.

– А это что?

– Как что, етить? То, что ты с ребятами заработал. – Увидев, как Бильбао хмурится, Кобылкин поспешил добавить: – Не возьмешь – тебе не поверят, что будешь за нас. Бери. Мы тебе и половины того не даем, что налоговики оттяпали бы.

Сиротка взял конверт:

– Не обижай людей, Бильбао, – и уже сказал Кобылкину: – Спасибо, мы вас не бросим.

Бильбао собрался было вырвать конверт из рук Сиротки, но тут вмешался Коленка:

– Братан твой прав, Серега. Причем дважды прав, если ты действительно возьмешься тут порядок навести. Это труд, и он должен быть оплачиваемым, понимаешь? Кто-то свиней выращивает, кто-то их продает, и ты в этом цикле не просто посредник. Ты же на журналиста учиться будешь и газеты читать должен. А там пишут, что такие, как ты, делают процесс производства мяса экономически выгодным. Хорошо я сказал, а?

– Не слова, а песня, – пробурчал Бильбао. – «Процесс производства мяса»...

– Не придирайся. Суть улови: без тебя все свиньи по деревням сдохли бы, потому что их невыгодно было бы забивать и везти на рынки.

– Так я ж, етить, и говорю, – снова вступил в разговор Кобылкин. – Теперь всем выгодно. Тут деньги передали и кто творог продает, и сметану, и виноград, и рыбу. Эти же паразиты всех грабили!

Бильбао развел руками:

– Ну, раз свиней спас... Сиротка, раздай бабки всем нашим, чтоб без обид. И составь график, кому и когда возле продавцов дежурить.

– Будет сделано, – сказал Сиротка, открыл конверт и выдохнул изумленно. – Ни хрена себе!

Глава 2

Как Лукаш изготавливал игральные кости, никто не знал. Лепил он их из хлебного мякиша, но что-то добавлял туда и обрабатывал затем так, что они были прочнее фабричных.

Через две недели Лукашу уже подоспеет время покидать зону, но оставлять остающимся в неволе друзьям секрет своего мастерства он не хотел. На хрена? Лучше готовую продукцию менять на чифир и водку. Правда, это добро он и так имеет. Выигрышами. Кости слушаются его, как верные собаки. «Лежать!» – рывкает он прежде, чем бросить их, и они ложатся так, как он велит. Если надо, даже тремя шестерками.

После очередного шмона его как-то вызвал к себе оперативник, показал глазами на кости: – Твои?

А чего скрывать? Ссученных рядом полно, раз заложили, значит, заложили. И потом, не заточку же нашли, не кенаф или кикер – наркоту то есть. Признался Лукаш. Опер шуметь не стал, наоборот даже. Дверь закрыл, говорит: «Играем». Так себе он игрок. Трижды кряду продул ему Лукаш. У того, у дурака, рот до ушей: «Говорили, тебе равных нет, а ты говнюк, оказывается». Тогда Лукаш ему: «Все, гражданин начальник, считаем, что игра закончена, а теперь говори, сколько очков светить». Опер улыбается, как придурок, семнадцать, говорит. Лукаш взял три кости, тряхнул, выкинул на стол – две шестерки, пятерка. «Теперь, начальник, сколько?» – «Семь!» Будь по-твоему, получай пятерку с двумя единицами. Дальше четырнадцать видеть хочешь? Да нет проблем!..

Опуел опер, схватил кости, разглядывает их с разных сторон. А чего их разглядывать? Это заточенные стирь, то есть меченые карты исследовать можно, а тут ведь – ажур, тут ведь в бараке лучше рентгена все проверено. Нашли бы свои обман – голову бы оторвали.

Так обалдел опер, что даже кости тогда ему вернул, предупредил только, чтоб «на три косточки» не играл. Это значит, чтоб на кон ничью жизнь не ставил. Бывает, конечно, что и побег на азарт разыгрывают, и жизнь чью-то, но такие игры не для Лукаша. Он из двадцати шести своих лет семь за два присеста на нарах провел, не за клопами охотился, не пьянчуг обирал, – домашним шнифером работал, чудные хаты брал, а попадался по собственной дурости. «Мокрые» дела за ним не водились и никогда водиться не будут. И на нары он больше не сядет: умней стал. Вот досидит спокойненько две недели...

– Захар, сыграем?

Его одногодка, Захар Скрипач, азартен до трясушки, но играть не умеет. Все уже проиграл, что мог. Вот и сейчас – глаза горят, но печаль в голосе.

– Не хочу.

– Ставить нечего?

Захар молчит.

– В долг могу.

– Какой долг? Я выхожу скоро.

– Так и я, забыл, что ли? В один день же! На свободе и поквитаемся.

– Не, у меня и там ничего нет, а в шестерки к тебе не пойду.

Да, каждый уже о воле думает. Захар, похоже, и вправду завязать решил, засохнуть. Его дело. Хотя воров-то он никогда и не был.

– Я у тебя снимок хороший видел, прекрасная курочка. Кто такая?

– А, Натка! Красивая, да. Сеструха моя двоюродная. В университете учится. А чего тебе? – подозрительно спросил он.

– А ничего, это я так. Садись, кинем пару раз.

– Говорю же, не играю. Я и так тебе уже все отдал.

– Так попробуй отыграться. Это же как рулетка: все выпасть может.

Лукаш потряс в ладонях кости, бросил их, огорченно сказал:

– Ну вот, не подфартило. Одиннадцать очков. Сейчас ты меня сделаешь.

Захар нерешительно уставился на кости, и Лукаш, усмехнувшись, подвинул их поближе к нему:

– Сделаешь меня. Как, говоришь, ее зовут?

– Натка. Наташа. А на что играем?

– А на нее и сыграем.

Скрипач дернулся, будто его током стукнуло:

– Ты что, спятил?

Лукаш засмеялся:

– Чего, думаешь, я ее прирезать хочу, что ли? Познакомишь, рекомендуешь – и все. А дальше – как сложится. Да и потом, у меня всего одиннадцать очков. Ты меньше и не набирал никогда. Выигрываешь – костюм тебе покупаю. Как только за ворота зоны выходим – сразу в магазин идем. Деньги у меня будут, ты же знаешь, мне почти все должны. Ну? Ничем ведь не рискуешь!

Костюм для Скрипача был мечтой жизни, и это знали все. Не носил он еще костюмов, так получилось. Потому и уворовал колхозный комбикорм, чтоб продать и приодеться. Застукали. Не посадили бы, если б в первый раз с ним такое случилось. Предупреждали уже...

– Так я тебе тоже должен, – неуверенно сказал Скрипач.

Лукаш махнул рукой:

– А, копейки! Спишу долг, если выиграешь. И еще костюм куплю, гадом буду! Ладно, бросай, не тяни! Чувствую, раскошелюсь из-за тебя.

Захар наконец решился, быстро схватил кости, словно их отнять кто у него хотел, яростно затряс, тут же бросил...

– Десять, – сказал Лукаш вроде бы огорченно. – Не повезло тебе, парень. Что ж, и такое бывает. Главное, ведь не проиграл ничего, да? Дай-ка мне снимок этой девочки-то.

Скрипач вздохнул, достал фотографию, протянул ее Лукашу. Тот блаженно заулыбался:

– Ишь ты, какая! Груды хорошие. Целовать их буду. Ты у кровати со свечой станешь, а я ее...

– Чего? – У Захара желваки заходили на крупном некрасивом лице, он сжал огромные свои кулаки.

– Да ничего. Мы как договаривались? Что ты ее рекомендуешь, правильно? А вот кто как это слово понимает, об этом можно и поговорить. Если ты мне пиво какое-нибудь рекомендуешь, то я его как минимум попробовать должен, так?

У Захара и мысли работали туго, и слова рождались медленно, поэтому он только и сказал:

– Я прибью тебя, понял?

Лукаш выглядел по сравнению с Захаром мальчишкой. Невысокого роста, худощавый, да еще с бледной нежной кожей, не поддающейся загару. Даже лагерная жизнь не огрубила ее. Чужой силы на себе Лукаш не испытывал, умел ладить со всеми, но при этом перед авторитетами лишний раз не кланялся, держал свою марку, и его в общем-то уважали.

– Понял, Скрипач, понял! Отложим наш разговор до лучших времен. А сейчас давай еще по разу кости кинем. На то, кто кого угощать будет, когда выйдем отсюда. Ты опять ничем не рискуешь: все равно ведь по такому случаю стол накрывать надо. Я, если ты не против, сразу к тебе в гости махну, поскольку мне все равно подаваться некуда. Сядем мы с тобой в саду, под яблоней, возьмем банку самогонки, нарежем огурцов с помидорами, маслицем их заправим... Масло на воле, правда, говорят, дефицит, по талонам, но я его люблю, и потому достану.

Захар смягчился, мечтательно погладил короткий белесый чубчик:

– Мать с маслобойни принесет, у нее там знакомая работает.

- Вот и ладненько. Но сеструху-то пригласишь свободу нашу обмыть?
- Я ж тебе говорю: она студентка, в Ростове учится, на экономическом.

Дойник сидел, откинувшись на спинку стула, вытянув ноги, курил сигару, и пепел падал прямо на светлый полированный стол. Несмотря на жару, одет он был в темный костюм, и огромный, безобразно повязанный узел яркого галстука плотно стягивал у основания его длинную шею.

Казалось, что Чеха он слушал вполуха, невнимательно, и больше был занят созерцанием новых обоев, лишь вчера украсивших его офис. В кабинете еще стоял запах извести и краски.

Чех наконец закончил говорить и неуютно поежился, предчувствуя, какую реакцию вызовут сейчас его слова. И он не ошибся.

– Засранцы! Думаете, это вы для меня денег не привезли? Нет, это вы их для себя не привезли! И раз не хотите зарабатывать...

Чех осмелился перебить шефа:

– Почему не хотим? Но я еще раз говорю, Пал Палыч: их было десятка полтора. Нас там прибить запросто могли. А Толянну морду начистили.

– ...Если боитесь зарабатывать, – несколько изменил свою же фразу Дойник и опять стряхнул пепел на стол, – то зачем вы мне нужны? Мне что, кормить, кроме вас, некого?

– Мы не боимся, Пал Палыч. Но вы сто раз предупреждали, что не надо самодеятельности, вот потому я и пришел все доложить и посоветоваться, что делать дальше.

– Посове-етоваться! – сказал врасстяжку Дойник, выпрямился наконец на стуле, бросил докуренную до пальцев сигару в мусорную корзину и положил руки на стол. – Ну, слушаю я твои советы. Выкладывай, что предлагаешь.

Чех дернул плечами:

– Что скажете, то и сделаем. Я соберу своих, умоем мы этого Бильбао.

Дойник скривился:

– Их десятка два, вас с полсотни... Ты знаешь, какой потом разбор полетов будет? Шум на всю страну, ментов пришлют на каждого брата по десятку, копать станут. А нам светиться пока не надо, Чех.

Чех тут же согласился:

– Не надо, конечно. Тем более у самого Бильбао дядя милиционер. Капитан.

Дойник бросил на парня удивленный взгляд:

– И ты, засранец, предлагал тут драку устроить? Знал, что у этого типа выходы на ментуру, – и предлагал?

– Я ничего не предлагал, я пришел рассказать все, как было. Я пробовал с ним договориться, на свой страх и риск, между прочим. Сказал, оставь себе пятьдесят процентов, и разойдемся. Он не захотел и этого.

– Щедр ты чужие деньги разбазаривать. – Дойник встал, подошел к окну, тронул пальцем свежие пятна краски на стекле. – А что за капитан? Откуда? Я в районе вроде всех знаю.

– Да оттуда же, откуда и Бильбао.

– Что за кликуха такая чудная?

– Не знаю. Его фамилия Калганов, зовут Сергей. А дядя – Рыков. Ну, который в милиции работает.

– Рыков? – Дойник прищурился, потер висок. – Помню такого. Я его еще старшим лейтенантом знал. Заезжали как-то к нему вопросы решать...

Павел Павлович Дойник сам никаких вопросов, конечно, не решал. Был он водителем второго секретаря райкома партии Старикова, ведавшего вопросами сельского хозяйства и промышленности. Долго, почти восемь лет возил его по району, вот волей-неволей все и всех изучил. Секретаря этого полгода назад турнули с должности, без лишнего шума спровадили

на пенсию, хотя шум и мог подняться. Не так, как надо, распределил он легковые машины, пришедшие на район. А одну вообще замылил, продал на сторону. И с квартирами накладка вышла: дал, кому не полагалось. В другое время все сошло бы, как раньше и сходило, да пришел новый первый секретарь и стал шашкой махать, про перестройку говорить, старые кадры разгонять, чтоб, значит, своих в аппарат пристроить. Все же ясно, чего там...

Дойника, правда, никто не гнал, может, он и остался бы в райкомовском гараже, да Стариков на своих проводах по душам с ним поговорил. Чует, сказал, Паша, мое сердце, что великий бардак в стране начинается и что надо каждому за себя сейчас думать. У меня, сказал он дальше, Паша, есть для этого голова, связи остались, но самому высываться нельзя. Потому, если хочешь, предлагаю тебе возглавить фирму по вопросам недвижимости, хватка у тебя есть, в этом я убедился, с первоначальным капиталом помогу, все затраты мои, но потом, будь добр, о процентах не забывай.

Как Стариков планировал, все пока так и получается. Работа кормит, и бывшему шефу Дойник исправно платит, потому как, во-первых, надо быть порядочным, а во-вторых, признать, без звонков да советов старого райкомовца самому не раскрутиться. Но уже заработала машина, уже отлаживается механизм...

Рынок – это уже придумано без участия Старикова. Это вроде как подработка, но очень хорошая подработка. Жалко такие деньги терять. Причем пацану отдавать. Может, правда, и не пацану, может, этот самый Бильбао от того же дядино имени, по его указке так наглет, что своим городком не ограничивается, тут территорию столбит. И ведь умно все сделал, если верить Чеху.

Дойник взглянул на стол, где стояла коробка с сигарами, опять поморщился. Гадость, трудно к такому дыму привыкать, однако надо. Как к костюму и галстуку в жару. Стариков посоветовал: создавай имидж, делай так, чтоб от тебя не бензином и потом, а дорогим одеколоном веяло. Чтоб клиент по тебе судил о конторе. Этот урок старого партийца бывший шофер принял близко к сердцу, потому как он понравился. Поработал Дойник с высокопоставленными, может о них судить: не умнее они и не святее всех других, но вот могли же себя преподносить!.. Увидишь их, отутюженных, лоснящихся, и поневоле поклон бьешь. Теперь надо, чтоб все вокруг быстрее забыли, что был Дойник простым шоферюгой, что только и умел – коробки за шефом таскать. Теперь у него самого есть мальчишки на побегушках, и решения он принимать научился вовсе даже не глупые. Варит, значит, голова.

С Бильбао тоже нельзя фразернуться. Пацан этот, видно, наглый, но смелый. Чех тоже не дурак, но проиграл ведь пришлому, плакаться прибежал и предлагает сейчас ерунду. Масштабную драку устраивать – последнее дело. Другой есть ход. Хороший ход.

Дойник заулыбался, хлопнул в ладоши, вынул из кармана помятую пачку «Нашей марки», закурил не для имиджа, а для души, – при Чехе так можно себя вести. Чех – пустое место.

– Так какие приказания будут, Пал Палыч? Что с Бильбао делать? Я сегодня сам на рынок ездил – его пацаны там дежурят.

Дойник глубоко затянулся, закрыл глаза. Сказал, не разлепляя их:

– Буду думать. А ты иди пока домой. Не нужен ты мне пока.

Чех вышел.

А может, и совсем не нужен, подумал Дойник, услышав звук захлопывающегося замка. Бильбао победил? Отлично! Вот победителя и надо к себе приближать с уже готовой бригадой. Им работы тут хватит. Пусть, кроме рынка, частный извоз под контроль возьмут, торговые палатки. Торгаши сами плачутся, что им охрана нужна, а доморощенным таксистам организации дела в их предпринимательстве не хватает, мешают друг другу. Дойник знает, как им помочь, но пусть платят. Не ему лично: Стариков прав, светиться не надо. Черт-те как все еще повернется, потому на себя сейчас можно брать только деньги, а дел пусть не будет видно.

Коленька сидит слишком близко к воде, мелкие брызги от волн долетают до него и окропляют страницы книги. Надо бы, конечно, отойти подальше, но к этому отшлифованному, удобному, как кресло, камню он привык за многие годы. На нем Коленька еще сказки читал. А любимый камень Сереги Калганова – рядом. Он почти не зовет друга по кличке, хотя кличка, конечно, красивая – Бильбао.

Тельняшка и джинсы Сереги лежат на черном валуне, сам же он заплыл метров на двести и качается на волнах. Коленька тоже плавает неплохо, но волны такие прут, что лучше все-таки сидеть на берегу, листать Монтеня. Вот у кого голова мыслителя была! А жил ведь в какие времена? Даже не верится: еще тогда, когда Иван Грозный с опричниками головы казненных на колья насаживал...

Отдыхающих сегодня нет, и потому слух улавливает чьи-то шаги за спиной. Коленька недовольно отрывается от Монтеня, но тут же успокаивается: нет, никто ему мешать не собирается. Высокая девочка идет вдоль моря, гордо держит головку, то ли делает вид, то ли действительно не замечает ничего вокруг. На этот раз можно даже ей не кивать, все равно не будет никакой реакции. Как и тогда, в вечер дальнего заплыва Сереги.

И все же он кивнул ей.

Она, как ни странно, остановилась, поправила взлохмаченные на ветру волосы:

– Откуда я тебя знаю?

– На Пушкинской встречались, в библиотеке.

– Ты тоже в Ростове учишься?

Коленька кивнул.

– А здесь как оказался?

– Живу здесь. С родителями.

– Ясно.

Она больше ничего не сказала и пошла дальше. Легкий халатик почти не скрывал ее тела. Длиннющие ноги, высокая грудь, тонкая талия. Фигура модели.

Коленька опять уставился в книгу, но тут же услышал:

– Эй! – Она теперь улыбалась, чуть наклонив голову. – Ты тут первый, кто не пристаёт.

– И какой вопрос я должен задать в связи с этим?

Девочка засмеялась:

– Я никаких вопросов и не жду. Просто рада, что наконец-то встретила нормального человека. Тебя Коленька зовут, да?

– Правильно.

– А почему в ласкательной форме?

– Я у родителей единственный и поздний. Родился слабым, не думали, что выживу. Вот они и носились со мной, пока усы расти не начали. Вслед за ними – учителя такое имя приклеили. Потом – все остальные.

– А меня Наташа зовут. Я у тети в Ракитном отдыхаю, это пятнадцать километров отсюда. Ты в Ростов когда возвращаешься?

– Билет на четверг.

– А я уже послезавтра. До встречи на Дону. – Она посмотрела при этом на море и добавила:

– Твой дружок ненормальный возвращается, и что-то у меня нет особого желания общаться с ним.

Коленька ничего не ответил, только усмехнулся. Он вообще не любил много говорить.

А Бильбао через пять минут уже лежал у своего камня на колкой отмирающей траве, и порывистый прохладный ветер сдувал воду с его широкой спины.

– Выпить для сугрева не хочешь? – спросил Коленька.

– Попозже. Пойдем ко мне, соберем орду, погудим. Жаль, пляж пустой, а то бы девок новых нашли.

Коленька хитро прищурился на неласковое сегодня солнце:

– Сезон заканчивается, новых уже не будет, а старых ты всех перепробовал.

– Только по желанию заказчиков, – сказал он. – К обоюдному удовольствию сторон. При чем ни одну не упрашивал. Женщина, Коленька, – это такое славное существо... Если ты когда-нибудь от любой из них услышишь, что она ненавидит мужчин и что никогда никому ни за что не даст, ты обрати внимание при этом на силу ее голоса. Чем громче она говорит, тем быстрее полезет к тебе в кровать.

– А чем тише?

– Ну, тише. Если очень тихо, то она и сама себя не слышит, уже в экстазе, значит. И мы, и они природой созданы для этого, Коленька, потому я не встречал еще... О, спокойно! Видишь, кто-то топает. Смотри, что сейчас будет и насколько я прав.

Это возвращалась с прогулки девушка в легком халате, Наташа. Ветер теперь дул ей в спину, пышные белые волосы закрыли лицо.

– Не надо, – попросил Коленька.

– Да брось!

Бильбао ящерицей проскользил метра на два вверх, замер рядом с вытоптанной на сухой земле тропкой, уткнувшись лбом в куст полыни. Сделал вид, что спит.

Наташа, на этот раз словно и не замечая Коленьки, молча прошла мимо, поравнялась с лежавшим Бильбао, и тот, выкинув руку, схватил ее за ногу, сказал, не поднимая головы:

– Миледи, сегодня я даю бал в честь самого себя и моего друга, будет водка и разврат, и я прошу вас...

Видно, он ожидал хоть какой-то реакции на свои слова, не дождался, открыл глаза, отпустил ее ногу и поднялся. И стал перед ней истуканом, так же, как стоял несколько дней назад в кабинке для раздевания.

Девочка посмотрела через плечо на Коленьку:

– Надо быть разборчивее в друзьях.

Потом брезгливым взглядом окинула Бильбао, отступала на шаг и пошла не оглядываясь по тропке в сторону, где городская дорога растворилась в песке пляжа.

Коленька продолжал читать, делая вид, что ничего не видел, Бильбао подхватил с земли одежду, стал молча одеваться. Потом полез в темную холщовую сумку, вытащил оттуда бутылку с мутноватым самогоном, сделал прямо из горлышка несколько глотков, протянул ее Коленьке, захрустел огурцом. Пока Коленька выпивал и закусывал, он пошел к морю, стал там, где сыпались на землю брызги волн, разбивавшиеся о каменные валуны. Бильбао брызг, кажется, не замечал. Он смотрел вслед уходящей блондинке.

На краю улицы показалась машина, затормозила у песка. Черная иномарка. Таких в городке нет ни у кого. Дружок, наверное, приехал ее встречать, подумал Бильбао, но девочка прошла мимо, а водитель вышел из машины, видно, о чем-то спросил ее, потом потопал напрямую в их сторону.

– Гости, – сказал Коленька. – Бутылку, думаю, можно не убирать. Не знаешь, кто это, Серега?

Бильбао промолчал.

Человек, шедший сейчас к ним, был ему незнаком. Темный дорогой костюм мешковато висел на нем, брюки снизу собрали всю пыль с полыни. Бильбао повернулся к нему спиной, глядя на разбушевавшееся море.

– Привет, орлы! – сказал незнакомец. – Кто из вас будет Бильбао?

Бильбао не отрывал взгляда от огромных серых волн.

– Его зовут Сергеем, – негромко сказал Коленька. – Бильбао – это позывной, для своих.

– Кличка, – натянуто улыбнулся незнакомец и уселся на один из валунов, серых от пыли.
– Кличка у собак бывает.

Незнакомец стер с лица улыбку. Начало разговора для него явно не клеилось.

– Да, конечно. Сергей. Сергей Александрович Калганов. А меня зовут Павел Павлович. Можно было бы, конечно, для начала выпить, но я за рулем. Это что у вас, самогонка?

Бильбао наконец отвернулся от моря, опять взял бутылку, сделал два глотка. Блондинка поднималась по улице.

– Это у нас армянский коньяк, – сказал он неприветливо.

– Кстати, об армянском коньяке. В машине стоит бутылочка. Предлагаю пойти туда, расположиться в салоне, нарезать ветчины и там поговорить.

– Лучше здесь. – Бильбао снова мельком оглядел окраину городка. Блондинка уже исчезла за домами.

– Как прикажете. – Павел Павлович повернулся к Коленьке: – Вы простите, молодой человек, но у нас разговор, так сказать, кон...ден... фен...ден... В общем, один на один хотелось бы.

– У меня от него секретов нет, – сказал Бильбао. – Что надо?

– Но тема такая, что... Может, все же отойдем?

– Нет. – Бильбао демонстративно уселся на любимый свой камень. – И не тяни kota за хвост. Говори сразу суть.

Дойник зажевал губами, подумал немного, потом хлопнул ладонями по коленям:

– Ладно, может, так и лучше будет. Без всякой там дипломатии. Мужской разговор. Чеха знаешь?

Коленька закрыл книгу. Он был уверен, что та поездка на рынок еще аукнется. Вот и аукнулась. Стало уже интересно. Он посмотрел на Бильбао. У того было, как всегда, скупающее выражение лица.

Павел Павлович достал из кармана алюминиевый футляр, вытащил из нее сигару, обрезал ее, щелкнул зажигалкой, затянулся, выпустил густой клуб дыма. Решив, что эффект он уже произвел, заговорил дальше:

– Так вот, Чех мне больше не нужен. Приглашаю к сотрудничеству тебя. Есть очень интересные проекты.

– Мне проекты до лампочки, – сказал Бильбао. – Мне надо, чтоб к рынку никто больше не лез.

– Это естественно, – тут же согласился Павел Павлович. – Никаких третьих лиц.

– А вторые зачем? Ты мне зачем? – спросил Бильбао.

Дойнику захотелось ослабить галстук, но рука дрогнула, жирный пепел сорвался с сигары, и ветер тут же размазал его по плечу пиджака.

– Но туда вложен мой труд, – неожиданно охрипшим голосом сказал он, уронил сигару и раздавил ее ногой. – Я взялся навести там порядок и навел его. А за это, естественно, полагается плата. Мне плата, мне! И тем, кто работает на меня.

– Про порядок расскажи. Что ты там навел?

Дойник уже научился с горем пополам носить костюм, курить сигары, но привычка, выработанная в райкоме – распознавать начальство по тону, голосу, – осталась. Когда приходилось приезжать в область, то в толпе выходящих из обкома людей он тут же определял пешек и королей. Сейчас он услышал короля и без промедления ответил:

– Граждане с Кавказа хотели там и цены устанавливать, и места все захватили, местным некуда было приткнуться. Но есть в городе Аслан такой, деспору ихнюю возглавляет...

– Может, диаспору? – спросил Коленька.

– Да. Ее. Так вот, я с ним договорился, теперь местным торговцам лафа. Но платить-то ему надо! И еще воры там шныряли, теперь их меньше стало.

– А за воров кому платишь?

Дойник взглянул на Бильбао и вдруг понял, что перед ним мальчишка, по годам такой же, как и его сын. Сын только, правда, еще, наверное, и водки не нюхал, и бабу голую не видел, хотя в студенческих общежитках все возможно, а этот... У этого взгляд не просто взрослый – взгляд победителя. Этот своего и чужого не упустит, если его как-то не остановить. С ним трудно будет договариваться.

– И за воров плачу, а кому – скажу, если станем работать вместе. Но рынок – деталь, одна из многих. Мне нужен человек, который бы взял шефство над торговыми палатками – это хорошие деньги. И еще...

– Разговор окончен. – Бильбао поднялся, скрестил руки на груди. – Скажи своему Аслану, что мясо на рынке будут продавать без его на то согласия, и, если у него появятся вопросы, пусть приезжает к этим камням, поговорим с ним по гамбургскому счету. Я правильно говорю, Коленька?

Коленька, вместо ответа, поправил очки на переносице и тоже встал.

– Вот так. А все остальное меня не колышет – палатки ваши, задумки ваши. – Бильбао взглянул на стоявшую машину гостя. – Чеху привет передай. Как-никак, знакомый.

– Ладно, – поднялся и Дойник. – Жаль, что разговора не получилось. Но может быть, мы к нему когда-нибудь и вернемся.

Он, видно, ждал, что ему протянут сейчас хотя бы руку, чтобы попрощаться, но Бильбао опять повернулся к морю, и Дойник, уже не скрывая свою врожденную сутулость, потопал к машине. Грязное пятно украшало теперь дорогие брюки и на седалищном месте.

– Ты все говорил правильно, – как бы подвел итог встречи Коленька. – В дерьмо это соваться не стоит.

– Оторвемся сегодня, – думая о своем, ответил Бильбао. – Чего-то так на душе муторно...

– Да, с таким настроением в Ракитное тебе ехать не стоит.

– Какое Ракитное?

– Эта девочка, блондиночка, там живет, у тетки.

Бильбао резко повернулся, пронзительно посмотрел на друга:

– И что дальше? Что дальше, если не ехать?

– Быть послезавтра на вокзале. Она в Ростов уезжает, закончились каникулы.

Дойник знал, что теперь делать.

Были два совершенно ясных пути. Один – объясниться с Асланом, сказать ему, что пусть с рынком поступает как хочет, дать адрес этого Калганова, если появится желание договориться...

Но слишком уж хороши деньги, которые приносил Чех. Слишком хороши, чтоб вот так легко с ними расстаться. Чех – неглупый мальчик, но поручать ему разобраться с дикарем, живущим у моря, бесполезно. При большой потасовке будут большие разборки, да еще и неясно, кто одержит верх.

Нет, это не второй путь. Второй путь – другой. Стая вожаком сильна, лидером, это правильный закон, почерпнутый из багажа, приобретенного в ходе работы в райкоме. Сними сильного секретаря – все, рассыплется дело. Чушь порют те, кто утверждает, что нет незаменимых. Есть. Бильбао из таких, это сразу видно. И если без лишнего шума убрать его...

Дойник вызвал Чеха, чтоб повести разговор на первый взгляд ни о чем. Так его мудрый шеф, Стариков, поступал когда-то. Пригласит кого-то на рыбалку, сидит около гостя, лески путает, болтает не переставая. Дойник тоже рядом: столик накрыть, водку разлить, колбасу нарезать. Слушает-слушает – ни хрена не поймет, зачем шефу поездка на природу понадобилась. Не из-за карасей же в самом деле. А потом, когда гость уезжает и они с глазу на глаз остаются, Стариков карты и открывает: «Нет, средства у него есть, но трусоват. Не будем с ним

дел иметь...» Начинает Дойник заново в голове услышанные разговоры прокручивать – точно, и о деньгах шла речь, и о деле, но не в лоб, конечно...

Дай бог, чтоб и Чех не понял сразу, за каким таким хреном пригласил его Дойник чаи распивать. Об однокашниках, вообще о товарищах речь повел: кто чем занимается, у кого какая судьба. Чех с бодуна к нему пришел: оказывается, сосед, Лукашов, этажом ниже, с зоны вернулся. Неделю где-то в деревне гудел, теперь вот дома стол накрыл, ну и Чеха пригласил. Чех хоть и моложе его на шесть лет, а все же вроде как в друзьях. Чем Лукаш заниматься намерен? Да не шла пока об этом речь. Что он умеет? Фокусы показывать, кости бросать.

«Ну, раз друг, пригласи его ко мне, может, придумаю для него что-нибудь»...

Так мудро и непонятно вел разговор с Чехом Павел Павлович. До того мудро, что Чех сразу решил: «Не вышло у шефа разговора с Бильбао, зэком того попугать хочет. Что ж, пусть попробует».

И уже вечером того же дня спец по недвижимости господин Дойник принимал в своем офисе худого парня с наглыми и веселыми глазами.

Лукаш Павлу Павловичу понравился: оторва, по всему видно. Нога за ногу, без спросу залез в коробку с сигарами, закурил, словечками зэковскими сыплет. Одно плохо, хиловат вроде, Бильбао его пальцем раздавить может. Хотя уголовник есть уголовник. Понт, финочка, свинчатка...

– Мне его кровь ни к чему, Лукаш. Я одно хочу: чтоб Калганов в мои дела не лез, соображаешь?

– Нет базара, гражданин начальник!

– Если все сделаешь как надо – будешь у меня в штате работать. Знаю, как к осужденным везде относятся, так что ничего хорошего в смысле работы ты в городе не найдешь. А я возьму тебя не задумываясь!

– Не подведу, Пал Палыч!

– Значит, договорились?

– Почти. Без аванса за такую лихую стачку не возьмусь.

– Стачка – это что?

– Ну, вроде соглашения по-вашему. Балабаны нужны, деньги то есть, уже для того, чтоб в гости к этому товарищу съездить, кое-что приобрести. Вы же клиента попугать предлагаете? А я сам собой не больно страшный, значит, экипировка нужна.

Страшным Лукашов не был: пальцы тонкие, худые, белые. И лицо смазливое, как у актера, чью фамилию Дойник не помнит, но там, в этом фильме, все бабы в него влюблены были. А тот факт, что деньги просит, – так это хорошо: значит, человек дела. Практик.

Дойник без лишних слов достал кошелек, отсчитал четыре сотни, положил их стопкой перед собой на столе. Лукаш тоже молча наклонился, взял деньги. Через его расстегнутую рубашку Павел Павлович разглядел синюю татуировку – голову оленя. А ниже наискосок – почему-то слово «Жук».

– И сколько составляет аванс от общей суммы? Десятую часть, надеюсь?

Это было многовато. Немного поторговались. Остановились на двух тысячах.

– Двести бутылок водки! – сказал, подняв вверх палец, Дойник.

Лукаш кисло улыбнулся:

– Были времена – я столько за ночь зарабатывал.

По пути домой остановился у пивного киоска, выпил кружку и сказал сам себе:

– Ну народ дурной пошел, а? Взял и деньги выложил! На что он надеется? Что я сейчас все брошу и побегу искать клиента? Наивный! Я раньше думал, на белом свете один Захар такой...

Он взглянул на часы. Пора было бежать на вокзал, встречаться с Захаром Скрипачом.

Глава 3

Захар приехал в Светловск к поезду провожать двоюродную сестру, гостившую у матери и теперь уезжавшую в Ростов, в университет. Надо было помочь ей погрузить в купе сумки с яблоками и грушами, коробку с виноградом. И еще надо было познакомить ее с Лукашом: ну что ж делать, раз попался на удочку.

Захар – человек прямой, он Наташе правду сказал. Мол, в кости проигрался, должен тебя познакомить с другом, ты уж потерпи его до ухода поезда. Думал, сеструха обидится, но та все правильно поняла.

Переживал Скрипач, что Лукаш хамить начнет, чего доброго, приставать к Натке, но все получилось совсем не так. Подошел к вагону друган с таким букетом роз, какие только в кино показывают. И слова умные складно говорить начал – откуда такого набрался? Захару даже приятно стало, что Лукаш не забыл, вовремя на вокзал пришел.

До отправления минут пять осталось, когда к Натке еще двое провожающих подошли. Подошли так, будто не было рядом с ней ни Захара, ни Лукаша. Один с ней поздоровался, стал говорить, а другой, высокий, белесый, ни слова не проронил. Она тоже вела себя так, будто не замечала его. Только когда состав дернулся и она уже встала на ступеньку вагона, белесый взял и надел ей цепочку. Золотую цепочку с крестиком. Она даже сказать ничего не успела. Молча смотрела на него, хмурого, не улыбочивого, до тех пор, пока проводница не оттеснила ее в вагон.

Ушел поезд.

И тогда Лукаш сказал Скрипачу:

– А рожу начистить этому белесому даже тебе слабо, да? Накачанный, зверюга.

– Слабо, не слабо... Они мне и Натке ничего плохого не сделали.

– А в чужую малину на хрена лезут? Ты подумай. Я бы очкарика на себя взял.

Захару драться не хотелось, да и причины для драки он не видел. Только понял сразу, что белесого уложить будет непросто. Неизвестно, как бы все дело закончилось, но тут очкарик сказал своему напарнику:

– Все, Бильбао, пошли.

И Лукаш аж дернулся, когда это услышал. Парни уходить, а он за ними:

– Эй, стойте, базар есть!

Те остановились. Бильбао стал сразу пальцы разминать, поглядывая на подходящего Скрипача, но Лукаш тут же разрядил обстановку:

– Тики-так, граждане! Все путем! – И показал пальцем на Бильбао: – Парень, я на тебе сегодня немного заработал! Вот и все, что я хотел сказать! Впрочем, не все!

Бильбао посмотрел на верткого худощавого человека с любопытством, потом перевел взгляд на Захара:

– У тебя друг ненормальный, что ли?

Скрипач тоже обеспокоенно ждал, что предпримет Лукаш дальше. Пока и он его не понимал.

– Да нормальный я, нормальный! – Лукаш не обиделся, а развеселился. Он стоял пританцовывая, и, кажется, двигалась каждая его косточка. – Позолоти руку, подкинь пару сотен – я тебе такое выдам!

Последнее слово Лукаш сказал уже в подвешенном состоянии. Бильбао так быстро шагнул к нему и приподнял за затрепавшую рубаху, что вчерашний зэк не успел даже стереть с лица улыбку. Скрипач попробовал было вмешаться в ситуацию, но на его пути встал Коленька и неожиданно решительным тоном осадил Захара:

– Подожди, без кулаков разберемся. Твой бледнолицый еще просто не знает, что мы никогда не торгуемся. Это наш принцип.

– Все равно, опустите его, – растерянно сказал Захар. Вступать в драку он опять не видел причины. На месте того, кто подарил его сестре цепочку, он, вполне вероятно, поступил бы еще круче. Непонятную чушь порет Лукаш.

А Лукаш, поняв, с какими парнями имеет дело, быстренько сменил пластинку и заговорил без лишнего трепана и по существу:

– Ты Дойника знаешь, Павла Павловича? Так вот, он мне сегодня деньги дал и попросил тебя попугать, чтоб ты рынок оставил за ним. Но я не такой дурак, я и не собирался... Иначе зачем бы тебя окликнул... А от денег дармовых чего отказываться...

Бильбао посмотрел на Коленку. По выражению его лица многое понял и сказал:

– Выкладывай все по порядку. С самого начала. Как на тебя Дойник вышел? Где его контора?

– Да бросьте, ребята! Это вам ни к чему. Клянусь, я и не думал ничего предпринимать!

– Дело не в тебе, – задумчиво и, как всегда, спокойно произнес Коленка. – Но Дойник ведь и другого исполнителя поискать может.

* * *

Павел Павлович домой теперь не торопился. Ему нравилось сидеть в кабинете, за столом, наливать в тонкий стакан боржоми, листать перекидной календарь и делать в нем пометки. Он установил на столе три телефона, хотя вполне хватило бы и одного: звонили нечасто. Еще он был очень доволен тем, что, как у настоящего начальника, у него была приемная с секретаршей и компьютером. Компьютер был дорогой, последней марки, – это все, что знал о нем Дойник. Секретарша была пожилая и опытная: ее сосватал бывшему своему шоферу Стариков. Женщина эта работала с ним лет двадцать в райкоме. Дойник мечтал в скором времени почетно проводить ее на заслуженный отдых и посадить в приемную голубоглазую красавицу.

О красавице этой он и мечтал, когда тонко запел телефон, связывавший его с секретаршей.

– Слушаю!

– Павел Павлович, уже восьмой час... Если нет работы, я могу уйти?

Женщина не привыкла покидать рабочее место раньше шефа, и это тоже льстило Дойнику.

– Сделайте мне кофе и – свободны, – сказал он уставшим и озабоченным голосом, разглядывая цветной заграничный журнал с обнаженными красотками. Ах, если б одна из них сидела сейчас за этой тоненькой стенкой! Тогда бы был кофе на двоих, и он бы вынул из стола бутылку коньяку...

Секретарша ушла. Кофе она, наверное, делала чудесно, но Дойник просто не любил его, как не любил вонючие и дорогие кубинские сигары. Он вновь выпил минералки, закурил сигарету.

Ну кто б мог подумать, что так переменится жизнь?! Что обычный шофер, закончивший, правда, заочно сельхозинститут, – спасибо, надоумил Стариков! – может занять свой офис и делать деньги! Тут уже перестройке спасибо. Конечно, потратиться на учебу пришлось, ведь учебников он не открывал, возил с собой на сессию баранов да коньяки, зато сейчас все можно вернуть. Он видит, где деньги, и знает, как их взять. Ах, были бы толковые исполнители!

Кто-то шумно распахнул дверь приемной. Странно, посетителей он не ждет. На всякий случай журнал с красавицами надо спрятать в стол...

Через считанные секунды после этого Дойник лежал в углу кабинета, и голова его покоилась в корзине для мусора. Все произошло до того стремительно, что он не мог сообразить, отчего это тело утратило вес и с такой легкостью поднялось в воздух. Даже момент удара не запомнил. Ну, зашли двое, ну, он встал им навстречу... И все. Дальше – эта корзина и сигар-

ные огарки под носом. Лежать страшно неудобно, рука неудачно подвернулась, но не хочется ни шевелиться, ни спрашивать о чем-нибудь незваных гостей. А чего спрашивать? И так все ясно. Калганов с дружкой заявили. Можно предположить почему. Не справился, видно, с задачей Лукаш, выдал, стервец.

Бильбао подошел к нему, поправил ногой корзину, чтоб та еще глубже налезла на голову Дойнику. Павел Павлович сжался, ожидая удара.

– Не бойся, лежачих не бью. Но что с тобой делать, даже не знаю. Что делать с ним, Коленька? – повернулся он к другу, усевшемуся на краешек стола.

Тот старательно протирал платком стекла очков, и кажется, только это его заботило. Но ответил Коленька сразу и на удивление миролюбиво:

– Пал Палыч, считай это первым предупреждением, ладно? И не доводи дело до второго. Не надо.

Дойник только хлопал глазами, глядя на гостей через крупную пластиковую вязь корзины.

– Ты ведь что-то говорил о проектах, о палатках, – продолжил Коленька. – Вот и занимайся этим. На недвижимости свой бизнес делай. Но о рынке забудь. Сигарой можно угощаться?

Бильбао так же, ногой, подвинул корзину, освободив из нее голову Дойника. Тот, все еще не придя в себя, продолжал лежать до тех пор, пока Коленька не приказал ему:

– Вставай. И иди сюда, садись на стул. В конце концов, мы ведь поговорить пришли. Сигару-то взять можно?

– Хоть всю коробку, – ответил Павел Павлович и боязливо поднялся, глядя на Бильбао. Но тот, казалось, полностью потерял интерес к хозяину кабинета. Бильбао рассматривал японский настенный календарь с полуголыми красавицами.

– По рынку все понятно и вопросов нет? – спросил Коленька.

– Есть. Я уже говорил, что за рынок плачу кое-кому. Если перестану это делать, то Аслан... Ну, вы же понимаете? Он будет недоволен, поскольку ему тоже приходится тратиться. Его торгаши переехали на новую точку, а там выручка уже не такая.

– В таком случае он не тратится, а просто меньше получает, – сделал вывод Коленька. – Думаю, ему хватит и того, что он имеет.

– Да, но вряд ли так думает и он...

– Будут проблемы – ты уже знаешь, где меня искать, – резко повернулся к Дойнику Бильбао. – Можешь этот адрес сообщить своему Аслану. Пусть подъезжает в любое время – потолкуем.

– Я, конечно, все ему скажу, однако не уверен... – начал Павел Павлович, но Бильбао прервал его:

– Дальше пошли пустые разговоры: уверен, не уверен. Я на ромашках не гадаю. Но одно скажу точно: если еще раз попробуешь меня на испуг взять, заикой до конца жизни ходить будешь. Все, Коленька, уходим.

– Уходим. А сигары я с твоего разрешения, Пал Палыч, забираю.

– Может, на мировую? – неожиданно даже для себя предложил Дойник. – По стопочке коньяку выпьем? Хороший армянский коньяк...

Бильбао взглянул на Коленьку, но тот покачал головой:

– В другой раз как-нибудь. Когда повод будет посущественней.

Они ушли так же стремительно, как и появились, а Дойник, наливая дрожащей рукой коньяк в стакан, решил, что он отделался еще очень легко.

* * *

Автостанция стояла на окраине их городка. К центру от нее отходил асфальтированный тротуар, засаженный с двух сторон кустами желтой акации. Давно, еще в застойные времена старых правителей, по ночам тротуар освещался желтоватыми фонарями, ныне же все утопало во мраке.

Автобус, на котором возвращались домой Бильбао и Коленька, прибыл поздним вечером. С моря дул ветер, тащил с собой тучи и мелкий уже нетеплый дождь. Все было бы еще ничего, если бы сам тротуар содержали в надлежащем виде, но ремонтировать его забыли с тех самых пор, как погасли фонари. Предстояло топтать по лужам.

Коленька коротко чертыхнулся, заранее морщась от перспективы вымочить ноги, но тут рядом с автобусом остановилась старенькая блеклая волжанка и так же старчески, хрипло засигналила. Бильбао сразу узнал машину: это была редакционная тачка. В районке он был не то чтоб своим человеком, но когда год назад пошел работать на завод и дал матери слово стать студентом-заочником, то выбрал журналистику. Поступить в университет можно было, только имея опубликованные материалы, вот он и принес в газету заметку об одном ветеране труда. Ее тут же опубликовали, не поправили ни слова, попросили писать еще. Но дело вовсе не в просьбах: в университет надо было представлять несколько работ, потому Бильбао и взялся за перо...

– Сергей! А мы специально за тобой сюда приехали!

Бильбао сразу же узнал голос, грудной, с легкой картавинкой. Ольга Ивановна Полякова, замредактора, приоткрыла дверцу машины:

– Садись на заднее сиденье.

– Я не один, Ольга Ивановна.

– Ну и что? Садитесь вдвоем. Товарища доставим по назначению, а тебя – куда надо.

Когда Полякова улыбалась, лицо ее хорошело, и Бильбао сейчас подумал, что дядя Федя не прав: женщина эта недурна даже на трезвую голову.

– А куда меня надо? В кутузку?

– В редакцию.

– Я бы завтра к вам зашел. Надо проставиться, поскольку в университет благодаря публикациям и рекомендации поступил.

Полякова продолжала улыбаться:

– На пьяную голову серьезные проблемы не решают, а если редакция даже машину прислала, чтоб тебя на автостанции встретить, то, значит, проблема серьезная. Ты согласен?

– Он согласен, – ответил за друга Коленька. – Меня у поворота на пляж высадите.

Водитель волжанки был молчуном, за всю дорогу не проронил ни слова и, только затормозив у здания редакции, спросил:

– Мне вас ждать, Ольга Ивановна?

– Нет, я домой сама дойду, а будет страшно – Калганов проводит. Так? – И, адресуя дальнейшие слова больше водителю, чем Бильбао, продолжила: – У нас ведь разговор пойдет о кадровой политике редакции, в которой одну из ролей мы отводим вот этому молодому человеку, талантливому во всех отношениях. С утра завтра летучка, и я должна сказать главному редактору, чем закончились переговоры с моим протеже. По сути, Калганов, я ведь открыла тебе зеленую улицу в журналистике. И теперь хочу, чтобы тебя зачислили в штат редакции. Так что прошу в мой кабинет.

Водитель уехал. Она поднялась на слабо освещенное крыльцо, отомкнула дверь, жестом пригласила его пройти в темное помещение:

– Прощу. – Шагнула следом. – Не спеши, лучше дай мне руку. Ты ведь не знаешь, где здесь выключатель. Или он нам пока не нужен?

И тут же прильнула к нему, запустила руки под рубашку:

– Ой, мочи уже нет! Порви меня на кусочки! Можешь прямо здесь!

От Поляковой пахло духами и водкой.

– Или нет, пойдем лучше наверх. Там подшивки. Ты не забыл про мои подшивки? Про нашу ночь?

– О ней почему-то не может забыть и мой дядя, – слабо реагируя на ласки женщины, ответил Бильбао. – Откуда он узнал?

Полякова уже решительно вела его за собой, на ходу расстегивая кофточку:

– Не думай, не от меня. Мы просто вели тогда себя неосторожно. Уборщица уходила из редакции и видела, что мы оставались. А утром увидела помятые и в пятнах подшивки. Да и черт с ней. Это я должна разговоров бояться, а не ты. Тебе еще о репутации твоей рано беспокоиться. Слушай, ну не могу я уже: тело гудит!..

Минут через сорок она зажгла в своем кабинете свет, включила чайник, разлила по стопкам водку:

– Вот теперь можно и о деле поговорить. Появилась вакансия литсотрудника, пойдешь? К концу года станешь заведом писем, это я тебе гарантирую. Ты талантливый во всех отношениях, Сережа! Не исключено, что в скором времени я под твоим началом работать буду.

– Подо мной ты уже работала, – ухмыльнулся он, выпив водку. – Нормально получается.

– Циник! – Полякова пнула его кулачком в грудь. – Ну да ладно! Главное, что тебе и мне нравится. Так что редактору говорить?

– Еще не знаю. Подумать надо.

– Подумай. Только завтра не исчезай никуда. До обеда у нас летучка, а после обеда может случиться такое, что он с тобой захочет встретиться.

У его дома с погашенными окнами сидела на скамейке Верка. Увидела подходившего Бильбао, поднялась:

– Сережа, блин, ну где тебя так долго носит? Я вымокла, хоть и под зонтом.

– Письменный отчет представить? – спросил он и положил ей руку на плечо. – Скажи лучше, чего ты здесь торчишь, подружка.

– Сменилась полчаса назад, шла мимо...

– Допустим, домой тебе надо идти по другой улице.

– А я по этой хочу. Ну что произошло, Сережа, почему ты от меня бежишь?

Бильбао покачал головой:

– Запомни, подружка: я ни от кого и ни за кем не бегаю и бегать не собираюсь. Я тебе в глаза сказал: все, завязываем любовью заниматься. Ты обещала не обижаться, поскольку мы не враги, а друзья, так? И встречаться будем продолжать, но только по делу или по застолью. А поскольку застолья сегодня не предвидится, топай домой.

– А если я по делу? – спросила Верка.

– Тогда у нас получается большое предисловие.

Она вытащила из сумочки листок бумаги:

– Свет нужен, чтоб прочесть. Тебя разыскивали, спрашивали номер домашнего телефона...

– Какого телефона? – удивился Бильбао. – У меня нет и не было телефона.

– Звонили из Светловска. Товарищ, видно, этого не знал. Ты меня в дом пригласишь, хоть на минуту? У меня глаза хоть и зеленые, как у кошки, но в темноте я не вижу.

– Пойдем, – без восторга сказал Бильбао. – Но действительно на минуту.

Когда в комнате вспыхнул свет, Верка присела к столу, развернула листок. Сергея Калганова искал Дойник Павел Павлович, просил срочно и в любое время суток перезвонить ему по номеру... Далее следовал номер.

Бильбао зевнул:

– Пошел он к черту! Мне что, по грязи бежать теперь на телеграф?

Верка победно улыбнулась и вновь раскрыла сумочку. На сей раз она извлекла из нее сотовый телефон:

– Вот, выпросила! Звони.

Бильбао погладил ее по голове:

– Ты чудная подружка, Вера! Я, пожалуй, тебе водки немного дам: замерзла ведь. Погода дурацкая начинается...

– Выпью только вместе с тобой. Ты звони, я сама налью и закуску найду. Ты же не ужинал еще, наверное.

– Давай, умница, хозяйствуй. Но выпьем прямо сейчас, ты действительно промокла. И надо сделать все, чтоб ты не простыла.

Выпили.

Бильбао набрал записанный Веркой номер, и на первый же длинный гудок откликнулся Дойник:

– Калганов? Ты говорил, мол, если что, то я могу с тобой связаться. Вот потому и звоню...

– Это я звоню.

– А? Ну да, да. Тебе надо обязательно завтра сюда приехать.

– Опять угостить армянским коньяком хочешь?

– Как? – Павел Павлович не понял, что имеет в виду Бильбао. – Какой там коньяк! В Аслане все дело. После вашего отъезда я с ним говорил. К тебе он ехать не хочет, считает это западло и грозитя уже завтра вместе со своими навести на рынке шмон. Своих перекупщиков туда вернет.

– Пусть попробует, – сказал Бильбао.

– Я знаю, что у тебя там люди дежурят, но все очень серьезно, поверь. У Аслана такие дикие отморозки! Они могут оружие в ход пустить, а потом все слинять, я знаю его братию. Убегут на Кавказ, и там их концов не найдешь. Кровь кому нужна?! А Аслан чистый останется. У него тут многое схвачено...

– Приеду, – сказал Бильбао. – А тебе через полчаса Коленька позвонит, у него наверняка вопросы будут. Постарайся ответить на все.

– Пусть звонит, жду. А за тобой машину пришлю, она уже в семь утра возле дома стоять будет. Заезжаете ко мне, я скажу все, что захотите узнать про Аслана и его людей.

– Договорились.

Он положил телефон в открытую Веркину сумочку, стоящую на столе. Обратил внимание, что стол уже сервирован: и хлеб нарезан, и колбаса, и помидоры с огурцами. Вот только самой Верки не видно.

– Подружка, ты где? – позвал он.

Та тотчас откликнулась из спальни:

– Ты же сам, блин, сказал, что надо сделать все, чтоб я не простыла. Я тебя за язык не тянула. И потом, не выгонишь же ты меня на улицу во всем мокром?!

Аслан не любил просыпаться рано. Правда, рано и не ложился. Распорядок трудового дня диктовал режим его жизни. Активная торговля начиналась с обеда, к этому же времени появлялись проблемы, требующие срочных решений. Ближе к вечеру – встречи с хозяевами вновь поступающего товара. «Челноки» хотят быстрее и желательно оптом сбыть куртки и шубы, земляки разгружают вагоны с орехами и гранатами, человек из Дагестана привез икру,

тоже просит пристроить... Все знают: Аслан как дирижер, управляет огромным хозяйством, без его помощи трудно обойтись. Еще позже – «сбор урожая»: денежный ручей начинает течь в его карман. Золотое время суток, иногда затягивающееся за полночь.

У Аслана в Светловске нет ничего своего: ни квартиры, ни дачи, ни даже машины. Водителя он нанимает, отдыхать за городом некогда, а живет у одинокой женщины, которая для него и любовница, и кухарка, и личный секретарь. До знакомства с ним женщина работала продавцом в магазине, теперь сидит дома, пробует на себе всю новейшую косметику, озабочена лишь тем, как разместить в двух морозильниках и холодильнике мясо и фрукты с овощами. У нее есть все! Она боготворит Аслана!

Он только что принял горячую ванну, лежит на белых свежих простынях лицом вниз, а она массирует ему спину.

– Асланчик, ты поздно вернулся, мы не переговорили: вчера часов в десять заезжал этот, который с седыми усами...

– Омар.

– Да, правильно, Омар. Привез тебе трехлитровую банку икры и целого осетра.

– Нет, это он тебе привез. Хочешь – продай, хочешь – выброси.

– Ты с ума сошел! Я сделаю тебе из осетра шашлык. Правда, у нас еще один осетр есть, в морозилке.

– Я товар Омара уже пристроил, он пойдет в кафе и в вагоны-рестораны. Если позвонит, а меня не будет, скажи, чтоб не беспокоился.

– Еще тебя спрашивали два Магомеда.

– О, это моя головная боль. Сегодня вопрос решать буду.

Магомеда достали большую партию мяса, австралийской баранины, что-то из партии пошло по магазинам, что-то по шашлычным, но они еще просят дать им выход на рынок. Рынок, конечно, надо прибираться к рукам. Он и раньше только копейки приносил, хоть мог сполна кормить, а сейчас, когда Дойник и эти копейки платить отказывается, настала пора принимать меры. Дойник шпаны испугался. Тем лучше. Шпану Аслан разгонит, потом пригласит отцов города в ресторан и все решит на вполне официальном уровне. Рынок будет выгоден и отцам, лишь бы они ему не мешали делать все так, как он считает нужным...

– Звонят, приехал кто-то. Я открою.

Аслан сердито изрек:

– Еще десяти нет. Никого принимать не буду. Говори, что меня нет.

Женщина пошла к двери, Аслан прикрыл глаза, услышав ее голос: «Аслана нет дома». Все правильно. Пусть люди привыкают к порядку. К порядку, который устанавливает он...

Но хозяйка почему-то заговорила возмущенно, и Аслан различил тяжелые чужие шаги. Он недовольно скривился, сел, набросив на себя простыню:

– Кто там, черт побери!

Высокий беловолосый парень показался в проеме двери. За ним следовал такой же, с тем же лицом, лишь похудее. Бандитские морды. Вот такие предлагали ему неделю назад пристроить самопальную водку. Условия хорошие, но риск огромный. Аслан отказался. С чем, интересно, эти пожаловали?

– Разговор есть, Аслан, – сказал тот, что покрепче.

– Все ко мне с разговорами приходят. Но я что, голый должен вас выслушивать?

Парень взглянул на часы:

– Одевайся, только не тяни. У тебя до отхода поезда два с половиной часа осталось. За билет, кстати, двадцатник гони.

Растерянный Аслан еще искал для ответа слова, а хозяйка уже удивленно спросила:

– Ты уезжаешь? А почему мне ничего не сказал? Куда ты уезжаешь?

– Куда я уезжаю? – только и смог повторить Аслан, разглядывая билет.

– В сторону Баку, в купейном вагоне, нижнее место. В свою родную деревню, к своей родной жене, в свой родной дом, где и будешь устанавливать свои порядки. Еще вопросы имеются?

У Аслана сел от гнева голос, он кое-что стал уже понимать. Это мальчишки от Дойника. Вот тебе и водила райкомовский. С виду дурак, трус, а когда зашла речь о деньгах, расправил крылышки. Ладно, Аслан попозже потолкует с ним. Морду бить, конечно, не будет, у Дойника хорошие связи и с торговлей, и с милицией, их надо будет использовать в своих целях... Эти связи переключить на себя, а шофера – коленом под зад.

– Выйдите, я переоденусь, – сказал Аслан. – Тогда и поговорим.

– Просить надо, а не приказывать. И разговора уже никакого не будет, – ответил белокрысый, но тем не менее из комнаты вышел и сел почти у двери в кресло, стоящее под растущей в светлой кадке декоративной пальмой. Его дружок, не проронивший еще ни слова, потянулся вслед за ним.

Женщина стала на пороге, глядя то на квартиранта, то на непрошенных гостей. Она явно не знала, что ей делать.

Аслан натянул брюки, рубашку, достал из кармана пиджака телефон, набрал номер. С Павлом Павловичем он поговорит в скором будущем, а сейчас надо сделать так, чтоб пришли друзья и вышвырнули этих молокососов из квартиры. Говорить надо по-азербайджански...

– Каримолла? – сказал он, едва услышав, что кто-то откликнулся на вызов. – Возьми трех, приезжай срочно.

Бильбао не мешал Аслану говорить, с легкой усмешкой наблюдая, как у того меняется цвет лица.

– Как не Каримолла? – перешел Аслан на русский. – Какой Коленька? Мне Арсланбеков нужен. На вокзал?... Кому привет передать? Какому Бильбао?

Аслан посмотрел на замолчавшую трубку глазами человека, только что сошедшего с ума, тотчас набрал еще один номер. Ему никто не ответил.

– Если до кого-то и дозвонишься, то все равно услышишь, что там мне приветы передают, – сказал Бильбао. – Ты, кажется, не понял главного, Аслан. Ты действительно уезжаешь. И тебе действительно придется заплатить деньги за билет.

Аслан, в отличие от сложившегося о кавказцах мнения, имел холодную голову. И вроде понял, как надо вести себя с гостями.

– Да черт с ним, с рынком, забирайте его себе. – Он вышел из комнаты уже одетым, прошел на кухню, жестом пригласил Бильбао и Сиротку следовать туда же. – Сейчас нас угостят осетром, сделают бутерброды к кофе... Аня, подай рюмки, все, что надо...

– Все, что надо, – это собрать твои вещи. – Бильбао даже не шелохнулся в кресле.

– Да что же это... – плаксиво начала женщина, но Бильбао ее перебил:

– Аня, а ты запомни на будущее. Для неработающей домохозяйки эта квартира обставлена вызывающе шикарно. Некоторые товарищи могут спросить, каким таким трудом это все нажито. И обязательно спросят, если ты когда-нибудь еще пустишь на квартиру этого типа. Вдруг он осмелится вернуться.

Женщина испуганно прислонилась спиной к стене, щеки ее стали серыми. Аслан все еще пробовал держать себя в руках.

– Вот что, ребята, я понимаю, что вы получили команду... Но мне надо переговорить с тем, кто у вас старший. Думаю, мы разрешим недоразумение.

– Я старший, – сказал Бильбао.

Аслан не поверил.

– Неужели так сложно выполнить мою просьбу? Я бы позвонил Дойнику, но, чувствую, он пешка. Во всяком случае, у него бы не хватило ума вот так отрезать меня от моих людей. – Аслан кивнул на сотовый телефон.

– А у меня хватило. – Бильбао наконец поднялся с кресла. – Все твои люди сейчас тоже пакуют чемоданы. Осень наступает, понимаешь?

– При чем тут осень? – обескураженно спросил Аслан.

– А то. Пора перелетным птицам возвращаться в родные гнезда.

– Это проявление национализма, молодой человек!

– Нет. Со своими я обхожусь гораздо жестче: я бью им морды. Спросите у Дойника, как это происходит.

Аслан недоверчиво, но все же более внимательно оглядел рослого парня. На вид немногим более двадцати. В такие годы рано быть рассудительным и зрелым. Гении, конечно, бывают, но...

– Ладно, – сказал он. – Если ты старший, с тобой и поговорим. Все правильно: директор рынка мой человек, выполняет все мои команды. Но будем считать, что это сегодня утром закончилось. Рынок я вам отдаю, без всяких условий. По рукам?

Бильбао рассмеялся:

– Аслан, ты никак не поймешь сути. Ты рынок не отдаешь – мы его забираем, улавливаешь разницу? Мы не хотим у тебя спрашивать на это разрешения. Мы вообще не хотим иметь с тобой дел.

– Почему? Можно безболезненно друг для друга поделить сферы влияния. Я уйду в дорожный сервис...

– Ты уйдешь на вокзал, сядешь в свое купе и не будешь высовываться из окна, пока не выедешь за город.

Аслана наконец прорвало.

– Мальчишка! Ты кто такой, чтоб диктовать, как мне жить? Ты по какому праву врываешься в чужую квартиру и так нагло себя ведешь? Решил, что на тебя нет управы? Тогда ты не знаешь, с кем дело имеешь. Я или засажу тебя за решетку, или... Или вообще, понимаешь? Конец тебе! Тронешь меня пальцем сегодня – завтра следа твоего никто не найдет! Потому не выделывайся, а конкретно говори, чего хочешь... или сколько хочешь.

Бильбао сжал губы, на миг в комнате повисла тишина, и прервал ее срывающийся голос молчавшего до этого Сиротки:

– Бильбао, только не стреляй в квартире! Прошу, только не стреляй здесь!

Коротко вскрикнула женщина, сползла по стене, села прямо на пол. Лицо Аслана окаменело, в глазах впервые отразился неподдельный страх.

Бильбао сказал ровным голосом:

– Даю пять минут на сборы. Время пошло.

И постучал пальцем по циферблату.

– Но мне надо многое... – подавленно, тихо выдавил Аслан. – Хотя бы четверть часа.

– Осталось четыре с половиной минуты.

Аслан встал, прошел в свою комнату. Следом за ним направился Сиротка. Бильбао поднялся с кресла, замер на пороге.

– Мне хотелось бы остаться одному, – попросил Аслан. – Можете выйти?

– Теперь уже нет. У тебя была такая возможность, когда ты одевался.

– Ладно.

Он вытащил из шкафа большой кожаный чемодан, стал укладывать туда одежду, снимая ее прямо с деревянными плечиками. В одном из пиджаков, во внутреннем кармане, лежал кожаный кошелек, забитый деньгами. Он лег на дно чемодана. Но второй кошелек, с вырубкой за последнюю неделю, оттопыривал карман светлого костюма, который Аслан надел сейчас на себя. Его бы тоже убрать куда-нибудь подальше, но на виду у посторонних не хочется этого делать...

Кажется, все. В этом доме осталась его дорогая посуда, его видеомэагнитофон, кое-что из зимних вещей, но он, конечно же, сюда вернется. И тогда Дойник расплатится за предательство, а этот белообрый – за хамство. Неужели он и вправду может выстрелить? Неплохо было бы найти с ним общий язык. Бог с ним, с хамством.

– Я готов. Что дальше?

– Дальше – деньги за билет.

– Двадцать рублей?

– Да, двадцать.

Аслану не хотелось вытаскивать кошелек, светить деньгами, хотя эти визитеры, кажется, не похожи на примитивных грабителей. Но береженого бог бережет.

– Аня, я тебя прошу: успокойся и расплатись с молодыми людьми.

Женщина поднялась с пола, все еще со страхом глядя на гостей, поскользился вдоль стены в прихожую, вернулась с деньгами. Взял их Сиротка.

Аслан вопросительно посмотрел на Бильбао.

– Теперь мы спускаемся вниз, где нас ждет машина, – сказал тот. – И едем на вокзал.

Бильбао и Коленька стояли у маленького стихийного базарчика, расположенного под огромными тенистыми деревьями. Здесь прямо на асфальте стояли картонные коробки, а на них располагался товар: соленые огурцы, виноград, вяленая рыба... Бильбао пил пиво, а Коленька жевал таранку, поскольку пива терпеть не мог, и докладывал о деле.

– Наших ребят, как ты знаешь, Сиротка мало собрал: все так срочно решалось, что многие просто не готовы были выехать. Дойник помог. Чеха дал, у того есть толковые пять-шесть человек. Но главное – сообщил точные адреса людей Аслана.

– Никто из них не дергался?

Коленька поднял стоящий у ног дипломат, щелкнул замками, чуть приоткрыл:

– Смотри сюда. Трофеи.

В дипломате лежали две финки и пистолет.

– Мы этих гордых горцев тепленькими навещали, в кроватях, – продолжил Коленька. – Сопротивления от них никакого не было. И потом, они чувствуют силу, когда в стае, а поодиночке...

Оба посмотрели туда, где у средних вагонов состава гужевалась необычно большая толпа отъезжавших и провожавших. Вели здесь себя тоже не совсем обычно: никакого пьяного веселья, никаких криков и рукопожатий. Действо скорее напоминало картинку из конвойной жизни, когда солдаты усаживают в столыпинские вагоны зэков.

– Бузить люди Аслана не начнут? – спросил Бильбао.

– Это вряд ли, они еще не отошли от шока. И еще я попросил, чтоб пацаны не давали им возможности общаться между собой. За это Сиротка отвечает, а он вроде дело знает. А потом, до отправления осталось всего пятнадцать минут.

Бильбао тут же нашел взглядом в толпе брата, усмехнулся, вспомнив, как тот очень даже к месту брякнул при Аслане о пистолете. Пистолета, конечно же, у Бильбао не было, и Сиротка это отлично знал... Рядом с братом и сейчас стоит Аслан, он о чем-то упрасивает Сиротку и выглядит даже бледнее, чем на квартире.

– Кажется, проблемы, – сказал Бильбао. – Послушаем?

Аслан, увидев подходившего Бильбао, сам сделал несколько шагов ему навстречу.

– Послушай, Калганов, я со многим уже согласился и смирился... Только я не могу уехать без паспорта, понимаешь? Деньги – черт с ними, но пусть твои люди хотя бы паспорт отдадут!

Бильбао взглянул на Сиротку:

– Кому понадобился его паспорт?

Тот пожал плечами.

Ответил Аслан:

– У меня во внутреннем кармане, вот здесь, были кошелек и документы.

– Кошелек не пустой?

– Нет, конечно.

– А почему же ты заставил женщину за тебя расплачиваться, когда мы тебе билет вручали?

Лицо Аслана налилось краской.

– Я не хотел при вас... В общем, дело не в деньгах, я готов все их тебе отдать, но документы...

– Наши это не сделали бы, – тихо сказал Коленька. – Сейчас я с Чехом побеседую.

За пару минут до отправки поезда он вернулся и протянул Бильбао паспорт в кожаном переплете и тугой кошелек. Аслан выглядел изумленным. Взял он только паспорт:

– Я хозяин слова. И потом, – он болезненно улыбнулся, – ты поиздержался сегодня, да? Такое дело прокрутить... Считай это премией от проигравшей стороны. Когда мы еще встретимся...

– Думаешь все-таки вернуться? – спросил Бильбао. – Не надо.

– Когда мы встретимся...

Состав дернулся, Аслан не договорил фразу, тяжело стал подниматься по ступенькам вагона. На верхней ступеньке оглянулся, остановил холодный взгляд на Бильбао. Но ничего больше не сказал.

Бильбао протянул кошелек Сиротке:

– Раздай всем, поровну. Кто стащил?

Ответил Коленька:

– Нашего нового друга работа. Лукаша помнишь? Который вчера нас на Дойника вывел? Я только сказал Чеху, что Бильбао не простит того, кто кавказца обокрал, как Лукаш и нарисовался. Профессионал, срок за кражи мотал, но без лишних слов все отдал. Видно, понял, что мы бы его, конечно, все равно вычислили, поскольку возле отъезжающих только свои были. Однако суть в другом. Как он только твое имя услышал, так и раскололся сразу. Уловил?

– Что я должен уловить?

– А то: популярным становишься. Тебя уже не только все женщины Советского Союза знают, но и другие категории населения.

– Это хорошо или плохо?

– А черт его знает! Да, тебя Дойник ждет, на автостоянке. Он тебя домой и отвезет. Так что бывай, мы на автобус потопали.

– Мне его машина до лампочки, я с вами поеду.

– Нет. Он ведь поговорить с тобой хочет. Мужик проблем боится. Я бы согласился с его предложением. Во всяком случае, не спеши говорить «нет».

– С каким предложением?

– Да сам узнаешь. Мы успели с ним перекинуться парой слов.

Павел Павлович стоял у машины и курил сигарету.

– Сигары закончились? – спросил Бильбао, усаживаясь на заднее сиденье.

– А...

Он сделал еще две глубокие затяжки, не столько стараясь докурить сигарету до фильтра, сколько еще раз прикидывая, стоит ли говорить Калганову все или изложить только суть. Все – это разговор со Стариковым. Он не мог не поведать бывшему шефу о происшедшем, не мог не попросить у него совета и помощи. Стариков был краток: «Рынок – твоя собственная самостоятельность, я к этой аванюре отношения не имею и иметь не хочу. Сам в дерьмо вляпался, сам и выбирайся. На меня – никаких ссылок». А он, Дойник, в душе рассчитывал, что при помощи связей бывшего райкомовца попадет под защиту милиции...

Дойник обжег пальцы, выкинул окурок, плюхнулся на водительское место и повернулся к Бильбао:

– Аслан, конечно, уже понял, что это моя работа. Если он вернется, то я... Мне... Словом, монтировка не поможет.

– Ты ведь сам меня вчера разыскивал, – сказал Бильбао. – И просил решить вопрос с кавказцем.

– У меня позднее зажигание, – угрюмо согласился Дойник. – И потом, я даже предположить не мог, что ты их вот так, под зад коленом. Это для них знаешь какое унижение? Этого они не простят.

– Ты меня что, пугать собрался? – спросил Бильбао.

– При чем здесь ты? Ты молодой, живешь без страха. И еще я уверен, что с тобой Аслан выяснять отношения не захочет, это сложно даже для него, а я, по сути, остаюсь один. И стану крайним, если разборка начнется.

– На мне жилетки нет, – ответил Бильбао.

– При чем тут жилетка?

– В жилетку плачутся обычно. Поэтому я ее специально не ношу. Не перевариваю слез.

Дойник включил двигатель, но Бильбао взялся за ручку дверцы:

– Если у тебя все, то я доберусь до дома своим ходом. Еще на автобус успею.

– Не все, – поспешно сказал Павел Павлович. – У меня есть предложение.

– Тогда поехали, по дороге расскажешь. Кстати, тормозни у аптеки, что на выезде из города. Надо матери лекарства купить, посылал ребят, весь центр обежали – не достали. Может, там есть.

– Проблем нет, у меня хорошие связи остались. И вообще, я ведь немало могу. Помнишь мои слова о том, чтоб взять под контроль торговлю в лотках? Сами лотки пока почти задаром продаются, продавцов тоже найти несложно, с регистрацией проблем не будет. Единственное неудобство – конкуренты...

– Я в эти игры не играю, – перебил его Бильбао.

– Тебе и не придется играть! Надо только обозначить, что мы вроде как вместе, понимаешь? Теперь твое имя тут кое о чем говорит, и если, к примеру, твой брат хоть изредка будет показываться у этих торговых точек...

Бильбао тяжело вздохнул и вновь не дал Дойнику договорить:

– Что тебе на все на это сказал Коленька?

– Что, если ты согласишься с предложением в целом, он приедет завтра к обеду обсудить детали. Твой друг хоть и молодой, но с такой хваткой и с таким толком... Он сразу понял, что дело это для нас беспроигрышное. И я не внакладе, и тебе будет процент идти. А потом, и та, первая проблема, сама собой решится. Ведь если Аслан узнает, что мы компаньоны...

– Аптеку не проскочи, – попросил Бильбао.

Полякова, с которой Бильбао столкнулся нос к носу у входа в магазин, выглядела разгневанной.

– Ну ладно, в первый раз, когда я тебя просила не отлучаться из дому, ты сослался на то, что тебе позарез надо было отъехать. Согласна, бывает такое. Но вчера почему не пришел? Брат передавал, что тебя вчера вечером ждет редактор?

– Вчера я провожал друга, у него каникулы закончились.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.